

Александр Ягодкин

НОСТАЛЬГИЯ

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2022

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4
Я 30

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области.*

Я 30 **Ягодкин Александр.**
НОСТАЛЬГИЯ. – АО «Воронежская областная типогра-
фия». – Воронеж, 2022. – 94 с.

Новая книга воронежского журналиста и писателя Александра Ягодкина называется «Ностальгия». Это странички из жизни в Воронеже с середины прошлого века и до наших дней. Улицы и места происходящих в ней событий хорошо знакомы большинству воронежцев, а кому-то близки житейские обстоятельства происходящих в книге событий, конфликтов и чувств.

Отдельный раздел книги посвящен взаимоотношениям детей и взрослых.

ISBN 978-5-4420-0985-9

© Ягодкин А., 2022

1. Колодец времен

Старая, отец пытался рассказывать нам с братом какие-то эпизоды из своей молодости и жизни в деревне, и мы вежливо слушали. Он никогда не вспоминал войну, на которую ушел в 18 лет, и вернулся раненым: осколком танкового снаряда у него вырвало часть плеча. Теперь, когда его нет, было бы интересно послушать те истории. А еще интересно – о том, что он вообще помнил из детства: какой она была, та жизнь?

Наверное, моим детям, а потом и внукам со временем такое тоже станет интересно. Но спросить будет некого. Однажды они, старая, найдут где-нибудь эти записи и что-то увидят на дне колодца тех времен, когда их родители сами были малышкой.

Времена года

Середина 50-х, рабочий поселок Рамонь под Воронежем, и наш дом на улице Советской. Детская память обрывочна, но что-то оттуда сохранилось навсегда.

У нас была корова, но я совсем ее не помню. Зато помню, что зимой у нас в сенцах жил теленок, и это полностью изменило запахи в доме – смесь молока, мочи и соломы.

Магушка старалась приучать меня к труду. Давала, например, качать на коленях огромную банку со сливками, в которой происходило чудо: в ней появлялись комочки масла.

Еще мы с отцом чистили двор от снега, и кажется, что в те времена зимы были намного снежнее, с громадными сугробами; в них можно было выкапывать ходы и целые комнатки, в них был уютный запах зимы. А после лазанья по сугробам так приятно было сидеть у печки, подбрасывать поленья и смотреть на огонь.

Зимой отец хаживал на рыбалку, но меня брал редко, и рыбалка была совсем иной, чем летом. В памяти остался толстый

лед с трещинами от мороза, лунки и ощущение закрытой двери в таинственный мир подо льдом. Сам отец становился похожим на сторожа или на Деда Мороза, а рыбешки его были заледеневшими и некрасивыми.

Зимой же из-за меня погиб наш дворовый пес Тарзан, похожий на кавказскую овчарку. Откуда-то в нашем доме появился котенок, и я вышел во двор, держа его на руках. И тут случилось страшное: добрый обычно Тарзан с рычанием бросился ко мне, пытаясь добраться до котенка, я в ужасе бросил его и увидел первое в моей жизни убийство. А потом отец и милиционер стояли в конце двора, Тарзан убежал от них по огороду, милиционер дважды выстрелил, и магушка увела меня в дом.

Запахи стружек – отец столярничал и сам делал из некрасивых досок настоящие стулья, лавки, стол и много чего еще, и в мастерской, устроенной в сарае, стоял запах древесины и красок; мне нравилось что-нибудь строгать и казалось, что отец напрасно беспокоится: да не поранюсь я рубанком или фуганком, просто хочется побыстрее самому научиться превращать доску во что-то полезное и красивое.

В том же столярном закутке он сделал мне городки, каждой бите мы присвоили имя, и мы с друзьями играли в них в любое время года.

Родная речка

Весной мы с отцом смолили лодку, стоявшую во дворе, и она заранее пахла рекой, кувшинками и лилиями.

Летняя речка Воронеж была совсем другим миром, чем дом, двор или улица, и каждое плавание на лодке было путешествием в другое измерение, в котором сквозь толщу воды видно дно, узоры водорослей, пугливых рыб, разбегавшихся от нас, как стайка мальчишек. Хотелось туда, плавать вместе с ними по лабиринтам причудливых водорослей, и порой мне это снилось, как и летание во сне.

Под бугром над рекой был песчаный пляж, куда мы ходили купаться. А напротив пляжа – остров, и туда можно было перейти вброд, поднимая руки с одеждой, потом, по колено в воде, по тропе через заросли тростника. На фоне желтого песка там плавали не только мальки, но и рыбы побольше – плотва, красноперки и окуни; мы забрасывали удочки перед собой и видели, как рыбы

подплывают к крючку и дергают наживку. Рыбалку на острове я не помню, а тропу – очень. Я б и теперь по ней погулял.

Однажды мне под коленку присосалась большая пиявка, а я не чувствовал ее. На берегу мальчишки закричали: глянть, глянть! – и я ужаснулся, стал отрывать ее, и никак, а потом из крошечной ранки потекла кровь; я залепил ее листом подорожника – средством от любых порезов и ран у мальчишек, но кровь еще долго сочилась по ноге. А пиявку ту мы с мальчишками забили насмерть концами удочек. Вот, других пиявок в своей жизни я и не помню.

...С соседским мальчишкой мы шли по разные стороны улицы и швырялись друг в друга камнями. Один из них попал мне в глаз; лишь много позже я понял, какой бедой это стало для отца и матери, они возили меня к врачам в Воронеж, и глаз остался цел.

Еще мы ходили на футбол; команда Рамони называлась, как и воронежская, «Труд», и один игрок, который часто «обматывал» соперников, мне особенно нравился, а главный бомбардир, популярный у мальчишек, нравился меньше. Много позже, играя в дворовой команде «Алмаз» на «Кожаный мяч», я и сам любил «обматывать», но истоков этого не помнил.

А осенью машины возили по улице свеклу на Рамонский сахарный завод; машины трясло, и свекла иногда падала, но мы лихо цеплялись за задний борт полуторки и сбрасывали добычу. Подбирали и несли ее домой – просто, мол, собрали на дороге. Еду в семью принесли. И с удовольствием ели потом сладкую пареную свеклу.

Но главным лакомством на улице был кусок хлеба, смоченный водой и посыпанный сахаром. Выйдешь с ним, и кто-то наверняка подбежит с криком «Сорок восемь – половину просим!». И надо успеть раньше крикнуть: «Сорок один – ем один!». Но потом всегда делились: одному ж неинтересно есть. Да и жмотом быть не хотелось.

У друга моего детства Валерки в доме был земляной пол. Теперь это кажется экзотикой, а тогда такой дом по сравнению с землянками был большим благом.

Пепин-шафран и воры

Отец и мать посадили юные яблони и ждали, что теперь у нас будет свой сад. Однажды на них появились первые завязи, а потом и крохотные плоды – дети яблоч сорта пепин-шафран.

С первым урожаем случился казус. Когда яблоки были уже с мой кулак, родителям пришлось оставить меня дома одного. Они боялись, что я уйду гулять и потеряюсь, и решили меня напугать. Сказали, что поручают мне очень важное дело: сад сторожить. Мол, ты уйдешь, а воры увидят, что никого дома нет, залезут в сад и все наши яблоки украдут. Так что никуда не уходи, по двору гуляй или в саду, а потом и мама вернется.

Я сидел на крыльчке и старался не думать про воров. И у них наверняка есть мешок; он-то пугал меня особенно. И жалко было, что, может, воры сейчас рвут наши яблочки, а я сижу здесь. Потом отец скажет: а еще мужчиной называешься!

В общем, когда мама пришла, рядом со мной на крыльце лежала горка сорванных, но спасенных яблок – вот, ни одного не украли!

Вечером отец пришел с работы и очень огорчился. А потом сказал: ну, ничего, малыш, ничего. В следующем году обязательно соберем с наших яблонь первый урожай.

Яблоко сорта пепин-шафран я не встречал уже много лет; они остались где-то там, на дне колодца времен.

2. Роскошь человеческого общения

Тоска по книжкам нашего детства

Фраза классика: «Всем хорошим во мне я обязан книгам» мне казалась раньше перебором, но чем больше живу, тем больше она мне кажется верной. Особенно теперь, когда выбор книг вырос на порядки, а количество читателей на такие же порядки упало.

Волшебники изумрудных городов

В детстве я прожил много жизней. Началось это еще до школы. Первой книжкой была «Аты-баты, шли солдаты» (автора дети редко запоминают); какой еще могла быть первая книжка, как не про солдат, у сына молодого фронтовика, вернувшегося с войны строить на воронежской родине новую жизнь. И спасибо отцу и матери, что научили читать дошкольника.

Книжка та стала пропуском в новый мир, и потом пошло-поехало.

Незнайка, сказки Андерсена, эпиграф к которым мог бы написать Блок: случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран, и мир опять предстанет странным, закутаным в цветной туман.

С тех пор цветной туман дальних стран был со мной всегда. И вытащить меня оттуда не могли никакие коврижки. Школьником я прожил не девять жизней, как у кошки, а гораздо больше. И берет досада, что внуки мало читают книг, а предпочитают копать в мусорке Интернета. Как если б Золушке добрая фея предлагала волшебства, а она б отвечала: нет, мне под иглом мачехи привычней и интересней.

Они знают гламурных блогеров и хотят быть на них похожи – нищих и убогих, но уверенных, что они чем-то богаты.

Друзья моего школьного детства – Маугли, Джим Хокинг из «Острова сокровищ», мальчишки Юрия Третьякова и капитан Сорви-голова – я с ними познакомился и подружился на всю жизнь. Мало у кого из нынешних в друзьях есть Том Сойер и Гекльберри Финн. Или адмирал-генералиссимус и его начальник штаба Евгения Титаренко. А ведь я мог бы пройти мимо и лишиться их навсегда...

Пылинки дальних стран

А сколько раз я был Ариэлем и человеком-амфибией! Возвращался бы и возвращался в тот мир, но потайная дверца закрылась. Всю жизнь я тосковал о них; даже пенсионером иногда вижу, как старый индеец бредет по берегу океана и зовет: Ихтиандр, сын мой! Но море хранит свою тайну – и душа моя сжимается до сих пор, как и от памяти острова сокровищ. Мне до сих пор снятся буруны, разбивающиеся о скалы острова сокровищ, и хриплый голос капитана Флинта: пиастры! Пиастры!

А Робинзон Крузо – я столько времени провел с ним на необитаемом острове и охотно навестил бы его еще раз. И нам было бы о чем поговорить. Он жил на необитаемом острове долго, но лишь один раз, а я бывал там неоднократно.

Мальчишки нашего двора поделили между собой имена мушкетеров, придуманные человеком из другой страны и другого времени. Но они стали нашими, и один из нас на всю жизнь оставался Портосом. Вряд ли нынешние мальчишки переживают

приключения и судьбы д'Артаньяна, Атоса, Арамиса и Портоса; они – другие, неведомые. Мой нынешний друг как-то посетовал, что внук его не желает не только читать книжки, но даже чтоб ему их читали. Категорически! И чем полны их души, можно только догадываться. Так что помочь им мудростью прежних поколений будет трудно. Наши книги с их миром почти не пересекаются и отходят, помолясь, в мир иной.

А мы передавали друг другу томики Виктора Гюго, Вальтера Скотта, Майн Рида, Фенимера Купера и Джека Лондона. Их добывали на короткий срок и строго его соблюдали – чтоб не перекрылся ручеек из заветных книг. По ночам читали, прячась от родителей с фонариком под одеялом. Нас делали людьми не гламурные подонки, а благородные рыцарь Айвенго и Верная Рука, друг индейцев – много было в нашей жизни настоящих, а не голливудских героев! Они бессмертны и остались в том же возрасте, а мы выросли, и друзей прибавлялось.

А Сетон Томпсон? Забыли Сетона Томпсона! Но как жить человеку без его уникальной душевности ко всему живому? Кто читал Сетона Томпсона, тот зверье, как братьев наших меньших, никогда не бьет по голове. Как, впрочем, и тот, кто читал «Белый клык» Джека Лондона или книги Джеймса Хэрриота.

Хемингуэй и тайная комната

К концу школы кто-то из наших родителей сумел подписаться на многотомник «Антология современной фантастики», другие – на 8-томник Конан Дойля, а мои отхватили собрание сочинений Герберта Уэллса.

С тех пор я испытываю такую неприязнь к голливудским экранизациям «Человека-невидимки», что даже кушать не могу: за что они превратили сложного героя-одиночку в обыкновенного уголовника?

А «Антология» та была богаче любого Клондайка (извини, дорогой Джек Лондон) – бездна жизни, мыслей, чувств и сюжетов. Они оставили свои следы в душе, хранятся где-то в ее закоулках, но иногда вдруг всплывают – и всегда только с самыми добрыми чувствами. «Антология» эта сработала таким камертоном, что я и сам стал писать фантастические рассказы. Хорошо, что они не сохранились: я понял, что настоящие писатели культурой повыше будут, и надо их догонять.

А Уильям Сароян! Кто знает Уильяма Сарояна? А ведь это самый неунывающий писатель всех времен и народов. Оптимистичней даже Джерома К. Джерома – а уж тот умеет порадовать читателей смешными неожиданностями. Сароян мог бы стать знаменем всех оптимистов и проводником к смыслу жизни, к которому брести с ним – одно удовольствие. При этом никакой поучительности. Просто душа этого Вильяма такая детская и ясная, что дружить с ним – это как «подарок – в студию!».

Но кому нужен Сароян, если житейскую мудрость армия мальчиков и девочек хлебаёт из блога Ольги Бузовой, самой знаменитой девушки России.

Да знаю я ваш Интернет – каждый день с ним работаю. Но никогда не давал он мне такого буйства глаз и половодья чувств, как «Снегурочка» Кира Булычева, «В Париже» Бунина или «Дуэль» Куприна. Жаль, но никакой газеты не хватит перечислить все жемчужины, инкрустировавшие мою жизнь.

А Хемингуэй – «Прощай, оружие», «Снега Килиманджаро», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» – и все это не про войну или охотников, а про мечту мужчины о женщине; его «Убийцы» до сих пор где-то неподалеку, я чувствую их дыхание спиной и поражаюсь силе простых слов. Хемингуэй когда-то был Папой Хэмом, и портрет его, в свитере, а не в галстуке, висел в домах романтиков всей планеты; ныне в комнатах успешных людей висят в галстуках совсем другие герои нашего времени. А Дедом Хемингуэй не стал: эпоха романтиков закончилась.

Ой, нет. Невозможно все жизни перечислить. Их так много, и так жаль обитателей всемирной мусорки Интернета, лишенных книжных сокровищ. Мало кто желает услышать Хорхе Луиса Борхеса: «Мне всегда казалось, что рай – своего рода библиотека». Не говоря уж о том, чтобы понять смысл этой фразы.

Эх, «Остров сокровищ»! Я б и еще раз эту книгу почитал, но бумажной у меня нет, а читать в сети не хочется: там нет запаха бумаги, шелеста страниц и фонарика под одеялом – моей тайной комнаты удивительных приключений и чувств.

Хемингуэй и дети

В этот день Хемингуэй возникал в моей жизни дважды. Сначала на встрече с выпускным классом школы села Гремячье. Говорили о литературе, и я был уверен, что каждого из них

покорил бы роман «Прощай, оружие» – это ж не о войне, а о любви; такая книга остается с тобой навсегда.

Оказалось, эти юноши и девушки не только «Прощай, оружие» не читали, но и о Хемингуэе не слышали.

А вечером я встретил друга юности возле кафе. Он был уже теплый и повел меня внутрь, за свой столик, накрытый надолго.

Поднимали тост за родной политех и студенческие годы.

– Подменили нам душу, Сань, – говорил он, пьянея. – Забрали ее, положили доллар. Жена меня попрекала, что мужа у нее нет, и отца нет у сына. А я был! Пахал, как папа Карло, и мне упреки ее казались дурными – я ж ради вас эти деньги чертовы зарабатываю! А теперь думаю, в чем-то она была права. Да поздно – старый я уже. И на фига мне теперь бабло? Ну, разве что сыну. Хотя он и сам успешный, ага. У него одно бабло на уме, а вместо души – Интернет и смартфон. Роскоши человеческого общения они тоже лишены.

Я рассказал ему о встрече с выпускниками, и он воскликнул:

– Ну, да! Да! Книг хороших не читают – вот и уходит душа. Помнишь, как мы спорили о книжках? Э-эх!.. А эти даже Хемингуэя не знают. И вообще никого. Лондон знают, а Джека Лондона – нет. Кто-то лишил их настоящего богатства, которым мы упивались. Я по ночам читал, с фонариком. И портрет Папы Хэма в моей комнате висел – такой, в свитере; ну, ты знаешь. Скажи, как можно жить без «Снегов Килиманджаро» и «Прощай, оружие»? Я уж не говорю про Майн Рида и Вальтера Скотта – их совсем похоронили.

А что сын? Звонит иногда, обязанность исполняет. Ну, как в рекламе – позвоните родителям, ага. Воспитали, блин. Я, конечно, и сам виноват. Но досадно же!.. А мне пустота не страшна. Лежит денежка в банке, и процентов мне хватает. Еще и когда помру, лежать будет. А может, и пропью все.

– Неси еще коньяку, – велел он официанту. – Будем Хемингуэя поминать.

3. На память разводящимся

Я не помню, как выглядел мой отец. В семейном альбоме не осталось его фотографий, мама выбросила их или вырезала в тех, что оставила.

Он где-то здесь, недалеко, километр или сто – неважно, он рядом, но будто в параллельном мире, который с моим никогда уже не пересечется.

Мое детство разделено пополам – до его ухода и после. Отец учил меня бегать, падать, подтягиваться на турнике, не реветь. По вечерам мы ходили на школьное поле недалеко от дома, и там отец гонял меня. Он специально купил секундомер – волшебный прибор, который мог останавливать и запускать время. В горячую минуту мама разбила его, а отец, крикнув: «Ну и черт с ним!», выкинул разбитый секундомер с балкона. Я долго потом искал его, но не нашел.

Не знаю, что не сложилось в их семейной жизни. Ссорясь, они запирали дверь на кухню и что-то выясняли, выясняли – до слез, до крика. Когда мама начинала плакать, я садился на подоконник и смотрел на улицу, стараясь не слышать их; делать мне ничего не хотелось и играть тоже. А мой младший брат Андрейка от их ссоры прятался: он уходил в спальню, забирался там в шкаф или под кровать и делал вид, что это у него такая игра. А я злился, что он не пойдет на кухню и не помирит их как-нибудь – он еще маленький, ему можно и расплакаться.

Несколько раз отец собирал чемодан. Мама сидела на кухне и плакала или ходила по комнатам, вытирала пыль, поправляла книги в шкафу. Собравшись, отец выходил в коридор, и мама шла за ним, чтобы закрыть дверь. Отец щелкал замком, но не уходил, хотя дверь уже была открыта. Потом в коридоре начинался тихий и долгий разговор, почти не делимый на голоса. Наверное, им легче было договориться у двери, понизив голос, чтобы не слышали соседи. И отец возвращался. Ни разу не достигал меня звук захлопнувшейся за ним двери.

И вот однажды он пришел с работы, и мама позвала его ужинать. Кухня была открыта, когда они снова начали ругаться.

– Я не могу, я не могу! – закричала вдруг мама.

Кто-то из них хлопнул дверью – так, что чуть стекло не вылетело. Андрейка сидел на полу и строил дом из кубиков, сопел

и будто не слышал их. Но я знал, что он слышит: в другое время он иногда повторял слова, которые доносились из кухни.

Они кричали долго, а потом отец вышел и снова стал собирать свой чемодан. Только на этот раз что-то было не так. Я забрался на подоконник – думал, он снова спасет меня. Мне было не по себе, будто оказался я один в лесу – была у нас книжка сказок, в которой одна картинка, с домом Бабы Яги, чащей и совами, иногда снилась мне, а раньше так и вообще доводила до слез.

Андрейка незаметно перебрался с кубиками в спальню. Отец подошел, погладил меня по голове и что-то сказал, а голос его был чужим. Я увидел на лице его слезы, и все во мне замерло, потому что в моей жизни он никогда не плакал, а, наоборот, только командовал: не реви! Ты мужчина! Ушибся я или устал – он только щелкал секундомером и покрикивал: давай! Через не могу! Ты мужчина!

И еще он читал мне книги. Некоторые детские книжки с большими буквами я мог и сам читать, но учиться дальше не хотел: ведь тогда отец не будет читать их мне.

Отец открыл дверь, но мама не пошла за ним в этот раз. Она сидела на кухне и тихо причитала. Дверь хлопнула. Я помчался в коридор и в глазок увидел, как отец, опустив голову, медленно спускается с чемоданом по ступенькам. А мама все сидела на кухне, и я увидел через стекло, как она уткнулась лицом в руки и качала головой.

Я побежал в спальню, схватил Андрейку под мышки, поднял его и сказал:

– Быстрее! Он ушел! Иди скажи ей, чтоб догнала его!

А он опять сел на пол и стал складывать свой домик. Даже не заревел – как будто его никто не трогал.

– Иди! – крикнул я. – А то знаешь, что тебе будет?

Но он только сопел.

– Я... я все кубики твои повыбрасываю! И самолет сломаю. Хуже будет!

У него начали кривиться губы. Отец, наверное, уже вышел из подъезда, а он все готовился зареветь.

– Иди, дурак! – крикнул я. – А то я тебя пугать буду по ночам! Заснешь, а я стану привидением или превращусь в мертвеца! А на улице я тебе, знаешь, что сделаю? Я тебя в яму спихну!

Он заревел, и лицо его стало отвратительным – без глаз, только огромный рот, десны и слюни. В спальню прибежала мама.

– Что ты, маленький мой? – запричитала она и обняла Андрейку. Хотела и меня обнять, но я вырвался и закричал:

– Догони его! Я не буду с тобой жить! Догони!

– Родненький мой, – сказала она, – родненький...

– Я убегу отсюда! – крикнул я. – Из этого проклятого дома!

Я ринулся в другую комнату, распахнул шкаф и стал искать какую-нибудь отцову вещь, а потом увидел на серванте старую механическую бритву и схватил ее. Я выскочил в подъезд, прыгал по лестнице и боялся, что больше не увижу его. Но он не успел исчезнуть. Я почти догнал его под аркой и закричал:

– Подожди, пап! Ты забыл!..

Он остановился, но на меня не смотрел. Слез на его лице уже не было. Он присел, расстегнул чемодан и запихнул туда бритву. Потом поднялся, сунув руку в карман. Он стоял так долго и смотрел куда-то в сторону.

– Ну, вот, малыш, – сказал он. – Вот и кончилось все.

Я хотел сказать ему, что он наверняка забыл дома что-нибудь очень нужное, и надо бы вернуться, проверить. Но не смог ничего выговорить.

– Хочешь, – сказал он, – я постараюсь сделать так, чтоб ты жил со мной?

– Да, – сказал я.

Но потом вспомнил про маму и Андрейку и сказал:

– Нет. Лучше ты живи со мной. Живи со мной, пап...

И я заревел. Я не хотел этого, мне казалось, что если я зареву, значит, вся его наука пошла прахом, и он уже не вернется, но ничего не мог с собой поделаться. И он не вернулся. Только поднял меня на руки и даже не поцеловал – просто обнял, подержал и опустил.

– Пока, малыш, – сказал отец. – Будь мужчиной. Пока.

И ушел.

Я сидел в подъезде на корточках и не знал, что теперь будет. А потом кто-то хлопнул дверью и стал спускаться по лестнице, и я выскочил на улицу. У меня больше не было повода догонять его, но я бежал изо всех сил.

И не догнал. На остановке его уже не было.

Так и закончился тот давний день.

Было, правда, однажды еще кое-что. Однажды мама с Андрейкой куда-то ушли, а я решил устроить уборку в кладовке.

И в мешке со старой обувью нашел отцовы туфли со стертymi каблуками. Мне повезло: они не потерялись, их не выбросила мама; я стоял с мокрой тряпкой и с засученными рукавами и разглядывал их. Туфли были потрескавшиеся, со стертymi каблуками. Я вытащил из них комки газет и сел на пол. Что-то писали газеты в те давние времена, когда у меня был отец... Внутри туфель пахло кожей, пылью и почему-то мышами, хотя мышей у нас никогда не водилось. Да и не знал я, как пахнут мыши.

Я был еще совсем маленьким, когда отец носил эти туфли. Может, только учился ходить. Мы топали рядом – я в своих ботиночках, которых давно уже нет, и отец в этих туфлях.

Когда мама с Андрейкой вернулись, я растерялся и никак не мог сообразить, куда спрятать туфли. Запахнул обратно газетные клочки и спрятал туфли под кровать. А вечером на пустыре мальчишки жгли костер, и я сжег в нем эти туфли, и теперь отец мой уже не мог вернуться. Он где-то недалеко, но его мир уже никогда не пересечется с моим, он стал чужим, и это навсегда, во веки веков, аминь...

4. Как молоды мы были...

Эпоха рок-музыки в нашей хрущевке на Домостроителей началась с радиолы «Ригонда»: однажды я сквозь хрип и помехи радиоголосов услышал «Can't buy me love» Beatles и был заражен ее буйной энергией: ничто не было мне созвучней этой распахнутой вольницы.

Нас было четверо ровесников в той пятиэтажке, мы еще в 6 классе поделили между собой имена мушкетеров, и один из нас навсегда остался Портосом. Была дружба навеки и первый магнитофон Айдаc, а потом появились Битлз. Нас понесло в неведомый мир, как Алису в страну чудес. Там мы записывали эти чудеса по пять рублей с диска и по тройку с кассеты. Общались с фарцовщиками, ходили в парк «Живых и Мертвых» на толкучку – не покупать диски, а хотя бы просто поглазеть на них.

Фарца

Фарцовщики казались мне членами какой-то таинственной подпольной организации, которая рассылала своих членов «рубить капусту» по всему городу и маскировала свою деятельность сложной словесной конспирацией: «я взял диск», «я сдал диск», «нам пришел последний дисочек Led Zeppelin», «давай капусту, и будет тебе последний диск Black Sabbath; новяк, муха не сидела».

Я представлял себе, как они тайно посещают штаб-квартиру фарцовщиков, сдают диски, с которых «нарубили капусту», получают новые и расписываются за них.

Став немножко своими в этом кругу и освоив сленг, мы и сами фарцевали, записывая диски знакомым по трояку. Писали со своих кассет, а клиентов убеждали, что с дисков. И восхищались находчивостью одного из фарцовщиков, который принес нам для записи диск, рассказывая, что он – новяк, муха не сидела, а диск оказался потертым, и в одном месте на нем был дефект: игла соскакивала на другую дорожку. Это брак, и цена за него должна быть меньше. Но фарцовщик сказал: спокойно, так задумано автором!

Рока и денег на него требовалось все больше, и однажды мы соблазнились шабашкой на шинном заводе. Нам сказали: разгрузите вагон с АКМ – это такие каучуковые чушки по 80 кило – получите на руки хорошую плату. Но если до конца вагон не разгрузите, то ничего не получите.

Мы обрадовались и пошли. АКМ, так АКМ, а мы молодые и здоровые. Начали в десять утра, таскали и укладывали, укладывали и таскали; в полночь, когда чушек осталось мало, один из нас пошел к таксофону и позвонил домой. Выяснилось, что никто из родителей не спит: они уже не чаяли, что мы вернемся живыми.

И мы вернулись, бросив недоразгруженный угол вагона и оставшись без денег, – как партизаны из окружения, когда уцелевшие тащат раненых на плечах. Сил на ванну, чтобы отмыться от каучука, у меня не осталось. Просто упал на кровать и проспал до полудня. На следующий день все мы были инвалидами. Кто-то сказал, что нам достался очень трудоемкий каучук. Не знаю. Но зарабатывать грузчиками оказалось непросто. И жаль было, что кто-то получит деньги за наш тяжкий труд.

Интим

Новые диски, которые приносил фарцовщик, пленяли меня так же, как колониальные марки в детстве. Особенно такие, как «Demons and Wizards» Uriah Heep. Мне хотелось вдыхать запах красочных альбомов, попавших к нам будто с другой планеты, хотелось прочесть все написанное на конверте и перевести, разглядеть, как следует, фотографии и картинки. Рок повышал наши оценки на уроках английского. На дисках этих встречались иногда такие вещицы! Мне казалось, что я сам придумал их, написал музыку и аранжировки. Хорошо было и то, что смысл песен на английском я не понимал и мог по настроению наполнять эту музыку собственным смыслом.

Со временем у нас стали появляться и свои диски – они же «пласты», они же – «альбомы». И помню горе горькое, как однажды я оставил душевный диск «Nat trick» группы America на столе под летним солнцем, и угол его согнулся, как часы на картине Пикассо. Я пытался выправить его: подогревал утюгом и оставлял на солнце под грузом, но все попытки были тщетны: погибла America. Батюшки мои 70 рублей – считай, чья-то месячная зарплата!

Мне нравилось, оставшись одному, включить запись и, взяв в руки воображаемый микрофон, петь перед зеркалом, повторяя непонятные слова. Мне казалось, что все происходит на самом деле, зал полон, и там – моя первая любовь, она тоже смотрит на меня и понимает, что я пою только для нее. За эти минуты я заплатил бы гораздо больше того, что стоила запись. Но если бы кто увидел, как я кривляюсь перед зеркалом, – сгорел бы от стыда. Хотя, с другой стороны, наверняка многие любители рока кривляются в одиночку перед зеркалом. А вообще, мы с друзьями на полном серьезе собирались создать свою группу и обсуждали вечерами в беседке, кого еще возьмем и кому на чем играть. И втайне представляли себе, как корчится толпа, и мы на сцене, тяжелый рок, восторг девиц, невиданные одежды наши, и те шедевры, которые лично я сочиню и исполню.

Рок и жизнь

Мы мечтали: когда-нибудь у нас будет общий дом, а в нем – шикарная стереосистема и фонотека, будут красавицы-жены и

общие вечера в гостиной. И не сомневались, что именно так и будет. А пока в реве рока мы бесились вокруг свечей на полу, становились первобытными дикарями (представляю, как «нравилась» эта музыка нашим соседям), а потом, потные, тихо млели в блюзе, обняв своих девушек и покачиваясь под музыку.

Все четверо после школы поступили: один в ВГУ, один в лесной, а мы с другом – в политех, и его отец, работяга с мехзавода, называл этот институт благоговейно: полит-технический.

Фонотеки наши росли, и я завел себе толстый журнал, куда записывал содержание дисков, даже неизвестных. А мы росли над собой: от примитивного рока энд ролла уходили к более сложным – Yes, Genesis, King Crimson. Если где-то те пленки и сохранились, то могут и сейчас приносить пользу: ими очень удобно подвязывать помидоры на дачах.

Когда Битлз распались, мы устраивали пылкие разборки, кто виноват в этом, и поклонники Леннона и Маккартни были так же непримиримы, как фанаты московского «Спартака» и киевского «Динамо». Или как поклонники Led Zeppelin и Deep Purple.

Когда-то мы с другом поспорили на ящик коньяка: я считал, что рано или поздно даже самая тяжелая рок-музыка станет легальной и в СССР, а друг был уверен, что никогда. Он проспорил, но получить выигрыш я не могу: давно уже разошлись наши пути-дорожки, и друзья мои растворились в пространстве и времени.

Теперь двое из битлов уже в царствии небесном, как и половина нашей четверки, а на живых ровесников смотреть больно: неужели и мы так состарились? И давно уже нет созвучия с теми буйными вихрями в душе, что порождали лохматые гении рока.

Где-то в кладовке хранится у меня тяжелая стопка дисков, там есть Led Zeppelin, Deep Purple, Yes, Uriah Heep, Genesis, Dire Straits и много чего еще, включая ностальгический «Белый альбом» Beatles.

Они были с нами в печали и в радости здесь, в Воронеже, и остались с нами навсегда.

5. Под стук колес и барабанов

Как советские студенты управлялись с вагонами и детьми

«Иду, красивый, 22-летний...»

Лето 1974-го, когда до обещанного коммунизма в стране оставалось всего 6 лет. Группа АТ-41 («Автоматика и телемеханика») Воронежского политеха. И мы с другом Витькой в раздумьях: что делать будем этим летом? В августе – производственная практика. А мы уже почти «дембеля» и давно мечтали на море съездить. Москва, конечно, «порт пяти морей», но на самом деле море в СССР было одно – в Сочи, и все, кто знал прикуп, ехали туда.

Деньги на море надо было заработать. И тут нам подфартило: железная дорога позвала студентов в проводники, и часть нашей группы отправилась в депо на Донбасской. Там нас взяли. Но, прежде чем отправиться куда-нибудь на поездах дальнего следования, надо было пройти обкатку на местных маршрутах.

Поездом Воронеж-Бутурлиновка – весь в шрамах, прокуренный и пьяный. Проводник в нем был один на два вагона. Чай-белье не разносил, но кипяток в бойлере должен был обеспечить. Плюс выходить на остановках с флажком и присматривать за порядком. Народ в поезде рабочий и отчаянный, так что в случае пьяной драки лучше было сидеть в купе, прикидываясь спящим. Так что ехали долго и тоскливо.

Но зато со второй поездки началась совсем другая жизнь – светская. Сегодня ты в Воронеже, а завтра в Ленинграде. Или в Киеве. А еще через пару дней – в Москве, и весь день столица в твоём распоряжении. А еще через неделю – в том самом вожделенном Сочи. И с утра до вечера наслаждаешься субтропиками; причем не надо тратиться на билеты! Наоборот, еще и левые заработки: билеты на юг были тогда в дефиците и «зайцев» хватало. Правда, иногда поезда шерстили контролеры, но они тоже живые люди, и с ними всегда можно было договориться.

Там же, в Сочи, случился у нас с Витькой забавный психологический эпизод. Начался он с того, что у киоска с пивом мы как-то присели с кружками на бордюр, а он был обработан хлоркой,

и наши моднейшие вельветовые джинсы были обезображены. Запасных штанов мы с собой не брали и в таком виде отправились пообедать в кафе на пристани у морвокзала. За столик я принес бутылку сухого вина, а Витька встал в очередь за едой, и были мы в тех самых джинсах. Тут за столик наш подсел мятый мужик с бутылкой дешевого портвейна, подмигнул мне и сказал:

– Похмеляемся, братишка?

Он явно принял нас за своих. Тут подошел Витька, и я ему вдруг сказал фразу с пластинки группы Monkeys, а Витька мгновенно среагировал и ответил мне фразой из Beatles – типа, на английском. Хотя смысла этих фраз мы не знали.

Надо было видеть, как изменилось лицо мужика с портвейном. Произошел короткий разговор, из которого выяснилось, что мы – дети наших дипломатов; вот, приехали посмотреть на отечественный курорт.

Мужик незаметно убрал свой портвейн со стола, стал вежлив, как атташе, и вскоре начал прощаться, дико извиняясь: мол, отдыхайте, ребятки, не смею вам мешать...

Две фразы на якобы английском превратили наши джинсы с пятнами хлорки из маргинальных в последний писк моды в стане детей дипломатов – вот как словесное обрамление меняет суть вещей. Чем не квадратура Малевича!

Весь июнь у нас была не жизнь, а малина. На посадке подежурил, постели-чай разнес, и в купе тебя уже ждут ребята из нашей группы – пульку расписать. Иногда пассажиры отвлекают на какие-то мелкие хлопоты, но это пустяки. А уж спать под стук колес – одно удовольствие.

Месяц такой работы-мечты, и деньги для поездки на море мы заработали. И провели июль вместе с друзьями из группы на сочинских пляжах, в кафешках, за преферансом, на каких-то танцах и вообще занимались тем, что называют прожиганием жизни.

Сражение в Дубовке

То лето вообще стало одним из самых памятных. В августе производственная практика на заводе «Электроприбор» вынесла нас из скучного, пыльного города в Дубовку: профком предложил нам с Витькой отслужить практику в заводском пионерлагере «Искра». Мы, конечно, были только «за».

Меня назначили воспитателем в 1-й, старший отряд, Витьку – в 4-й. Но моя воспитательская карьера закончилась быстро. В первый же вечер ко мне пришла гурьба «воспитанников» и сообщила, что ночью они пойдут на Усманку купаться. Это традиция, и ничто на свете не может ее нарушить. Они решили меня честно предупредить. А я решил пойти вместе с ними – мало ли... На следующий день об этом стало известно директору лагеря, и меня понизили в должности и перевели пионервожатым в 4-й отряд, к воспитателю Витьке; в его отряде не было традиции ночного купания. Вдвоем мы и отработали всю смену без происшествий.

Дубовка была детским садом Воронежа, переполненным детьми, одеколонным запахом сосен, трав, заповедной речки; вольница игр, кормежка от пуза – приходилось даже убеждать детей, чтоб они доедали. Линейки, плаванье, конкурсы, соревнования, флирт с девушками-пионервожатыми – что еще нужно, чтоб жизнь снова стала малиной?

Были, конечно, и проблемы – типа взаимного мазанья мальчишек и девчонок зубной пастой по ночам, но бороться с этим было бесполезно.

Мальчишкам мы с Витькой легко нашли главное занятие: играли с ними в футбол. Вся их шумная воробьиная стая – против нас двоих. А вот девчонки на нас обижались: мало мы с ними занимаемся. Тогда ведь футбол считался чисто мужским занятием.

Мальчишки, впрочем, тоже обижались: им никак не удавалось нас обыграть, несмотря на огромное превосходство в количестве. Они пообещали: вот приедут физрук лагеря Жорка и плаврук Витька, они в футбол играют классно и отомстят за мальчишек.

И вскоре Жорка с Витькой, наши ровесники-студенты, приехали и акцию мщения устроили немедленно. Это был не легкий бой, а тяжелая битва двое на двое, на которую собрался весь отряд. И под бурное их боление мы выиграли – что-то вроде 23-21.

В ночь после этого нас с Витькой разбудил Жорка, повел в свои физруковские помещения, и там плаврук уже накрывал стол. Вчетвером мы устроили мировую пьянку. Жорка восторженно кричал, что в таком составе мы побьем команду obsługi любого лагеря. Да что там лагеря – сборную всех пионерлагерей Дубовки!

Физрук и плаврук занялись переговорами о матче века, и через несколько дней он состоялся при большом скоплении болельщиков. В игре пять на пять (вратаря мы взяли из 1-го отряда) превосходство «Искры» было подавляющим, и мы победили со счетом 16-4 (до сих пор помню!). Авторитет наш среди мальчишек после этого стал непререкаемым, что очень помогало в управлении отрядом.

А в конце – прощальный костер. Трогательный, чуть не до слез.

Жаль, что пионерские лагеря пошли под хвост капитализму. Да и сама Дубовка давно уже не та, что прежде: часть заповедной природы заняли коттеджи, а некоторые лагеря медленно возвращаются в прах земной.

Светлая им память.

6. А ты подписался добровольцем?

Как воронежские инженеры спасали урожай во времена СССР

Теперь только старожилы помнят, что во времена СССР были поездки «на картошку».

В 70-80-е в вымирающих селах воронежских остро не хватало рабочих рук, и по разнарядкам от обкома КПСС на заводах, в НИИ и вузах формировали добровольно-принудительные бригады для спасения урожая. Им даже кое-какие деньги порой платили за работу, но чаще обходились бесплатным проживанием и кормежкой.

Спасать приходилось все, что в земле растет: картошку, свеклу, морковь.

Крестьян по осени считают

Те поездки чем-то сродни челночному движению в 90-х. Некоторые семьи распались из-за любовных историй, возникали и новые. Муж или жена покидает семью на месяц, и чем они там занимаются в служебное от работы время, неизвестно. Город-

ских удовольствий в деревне нет, и общение было активным – и между собой, и с местными.

Отряды «спасателей» посылали в колхозы-совхозы на два или три месяца, с ротацией: вместо отработавших месяц присылали новых. Селили в заброшенном клубе или на постой в домах, кормили в столовке либо платили хозяевам домов за кормежку. Или снабжали отряд продуктами – сами готовьте. Крупы, хлеб, мясо, масло, овощи и т.п. «Добровольцы» оставляли кого-нибудь дома в роли повара, и он (она) готовили еду.

...Я стоял у колодца и не знал, что делать: ведро с маслом оторвалось и плюхнулось в воду. Но как же я оставлю бригаду без обеда? А вокруг никого. Молод я был: полез по бревенчатым стенам колодца спасать ведро и масло. И таки спас, хотя мог бы сорваться и утонуть. Обед я тогда стоговил знатный: налепил тефтелей к рису, которые очень понравились нашей бригаде, так что меня даже выдвинули в постоянные повара, от чего я напрочь отказался: скучновато одному. Хозяйка наша принесла чашу с чем-то молочным, кусками – простокваша или варенец; никогда больше такой вкусноты не пробовал!

Не хочу сказать, что спасение масла – подвиг, но что-то героическое в этом есть. А вообще, все плохое из тех поездок забылось, осталось хорошее. Какая, например, в том колхозе случилась рыбалка! Началось с того, что местные пришли к нам с вопросом: не играет ли кто из вас в футбол? А то у нас решающая игра на выезде, а народу не хватает. Выручите, а? Не беспокойтесь, председатель освободит от работы.

Я назвался. Мы победили 6-0, из них три гола – мои. Это был счастливый для местных случай: я стал у них знаменитым. Дома в честь победы сам председатель накрыл богатые столы. Наотмечались, конечно. И я спросил у местных: нет ли у них рыбацких снастей? Пруд у вас хороший, очень тянет порыбачить. Они сказали: вообще-то рыбалка на пруду запрещена, но тебе можно. И дали мне «резинку».

Это была волшебная рыбалка, и на следующий день я накормил весь наш отряд крупными карпами.

Неприятности

Нет, сочетание добра и зла неизбежно, и кое-что неприятное сохранилось в памяти: типа пьяной драки в электричке, после

которой окровавленный победитель сорвал стоп-кран и навсегда покинул наш отряд.

Еще одно записалось в памяти, как на жесткий диск: из НИИ ПМ мы прибыли в село к вечеру и сразу на ужин, а в столовой гуляли шоферы из Горького, которые прибыли на машинах перевозить в закрома Родины спасенный воронежскими инженерами урожай. Пьяны были те шоферы, и один из них с матюками швырнул вилку на стол наших, потом другую, и вспыхнула драка. Наши вытолкали горьковских, и лишь в дверях тлеет конфликт: один из инженеров пугал шофера ножом, а тот крыл его матюками и твердил, что теперь ему хана.

Ретировались шоферы, но вскоре к столовой с ревом стали съезжаться грузовики, горьковские сыпались из них с монтировками, и это пахло убийством. Признаться, я здорово тогда струхнул. Но обошлось разборками.

Через день наши помирились с шоферами, и отныне у объединенного нашего отряда никаких проблем с местными не было. А шоферы не простили того, с ножом – не по понятиям, мол, и пытались его подловить. Но так и не подловили.

Земля и воля

Глухая деревушка – это здорово. Тишина, природа первозданная, запахи, ночи черные, бархатные, небо, переполненное звездами, каких не увидишь в городе и ни в какой турпоездке.

По вечерам собирались теплой компанией, и нам не грозило пророчество Эйнштейна, что когда технологии заменят людям общение (как ныне!), мы станем превращаться в идиотов. Травили анекдоты и страшилки, делились житейскими историями, играли в дурака и преферанс, в «города», искали возможность устроить танцы – тем более, что девушки наши в уютных одеждах и без каблучков приобретали особый шарм.

А я однажды придумал такую штуку: давайте я буду рассказывать вам истории, как будто они со мной случились, а вы потом сами решите, правда это или нет. И стал пересказывать рассказы Герберта Уэллса – про неопытное привидение, про страну слепых, про Джимми, пучеглазого бога... Горжусь до сих пор: больше половины поверили, что фантастические эти истории случились со мной. Хотя были и насмешники. Кстати, великолепного Уэллса никто не опознал.

Или вот забытая штука: кто-то рассказывает сюжет со странностью, а остальные должны вопросами установить, в чем там дело. А рассказчик на вопросы отвечает только «да» или «нет». Ну, например: один человек, возвращаясь домой, ехал на лифте только до 6-го этажа, а потом выходил и шел к себе на девятый пешком – почему?

Игра эта обычно всех увлекала. И была полноценной роскошью человеческого общения.

Одна из поездок сопровождалась непрерывным осенним дождеком. Слякоть, грязь, а на улице моросит и моросит. Старшой наш не рисковал болезнью сотрудников, мы собирались с утра в столовой, ждали у моря погоды и занимались, кто во что горазд: шахматы, преферанс, писали письма, просто болтали. Поварихи из наших были очень недовольны: они трудились и надеялись что-то заработать, а остальные дурака валяли. Почем зря ругали они старшого, но он был непреклонен.

Или: ехали мы втроем на сменку к месту дислокации. Остановились на ночь в гостинице. В номере двое парней выпивают. И меня зазвали. Ну, посидели. А поехали на танцы, предложил один из парней. Поехали. На улице к нам примотался милицейский патруль: документики, то, се, почему пьяными в общественном месте? Новый знакомый показал им свой документик, и патруль растерялся. А он им: где у вас тут танцы, ребят? Отвезите-ка нас туда. И единственный раз в жизни меня, выпившего, вместе с новыми знакомыми, тоже теплыми, милицейский «бобик» вез на танцы.

В деревушке на самом юге Воронежской области я коротал вечера письмами невесте. Целую тетрадку исписал. А она каждый день ходила на почту, писем ждала. И горестно решила, что я ее бросил. А я не бросил, и тетрадка тому свидетель. Так что возвращение стало на редкость медовым праздником для нас обоих. Вскоре и свадьбу сыграли. Вот что делали с людьми выезды «на картошку»!

7. Эпитафия «Полтиннику»

Ностальгия о части жизни многих воронежцев

Знаменитый «Полтинник», он же Воронежский ДК им. 50-летия Октября, оставил в моей жизни немало следов. Например, избавил меня от хронической простуды.

А дело было так. Году этак в 78-м довелось мне играть на первенство области по футболу в команде «Старт» Воронежского мехзавода. К заводу я не имел никакого отношения. Имели друзья. А базировалась команда как раз в «Полтиннике» – в смысле раздевалки и дружеского времяпрепровождения. В любой вечер придешь и непременно знакомого встретишь – в буфете на втором этаже или на танцах в нулевом, внизу.

Команда наша была как бы полупрофессиональной: трудящихся на мехзаводе освобождали от работы и платили им зарплату. А еще всем давали бесплатные талоны на еду, которые можно было в буфете отоварить.

Собирались во дворце на тренировку, переодевались и бежали кроссик вокруг Юго-Западного района, который в те времена заканчивался в районе улицы Героев Сибиряков, а пятиэтажные хрущевки на Маршака считались новостройками.

Дали круг по району и – тренироваться и играть на стадион «Трудовые резервы». А после игры горячие и потные возвращались в родной «Полтинник», переодевались и остывали в буфете, чтобы чего-нибудь попить. Разного.

И вот однажды в «Полтиннике» случилась коммунальная проблема – надолго пропала горячая вода. Горячие и потные вынуждены были мыться в душе водой ледяной, иначе ты не футболист, а бомж, и в буфет уже не пойдешь, и вообще никуда, кроме как домой, стараясь держаться подальше от пассажиров в троллейбусе.

Удивительно, но никто в команде не загрипповал. А меня с тех пор простуда оставила в покое.

Трудовые и культурные резервы

Кто-нибудь помнит стадион «Трудовые резервы»? Там было несколько полей – вытопанных, конечно, но вполне пригодных

для игры в удовольствие. На них проходило весьма массовое первенство мехзавода по футболу, на которое собирались толпы зрителей, включая симпатичных девушек, женщин, детей и стариков. Соревнования эти, и не только по футболу, напоминали празднество сродни первомайским или октябрьским демонстрациям. Много детишек получали здесь тягу к футболу и вообще к спорту.

Если праздник затягивался, он частично переходил в парк «Живых и Мертвых», ЖиМ, в котором церкви тогда еще не было, зато был парк и танцплощадка. И были еще толкучки с дефицитными в те времена книгами, и другие, фарцовые – с западными дисками, а то и со шмотками. В смысле джинсов, импортных дамских сапог и т.п. Иногда фарцовщиков тревожила милиция, но бессмертные эти толкучки в крайнем случае просто перебазировались на новое место – к тому же «Полтиннику», например, и продолжали удовлетворять потребности трудящихся. Многие посещали ЖиМ – прошвырнуться по рынку и если не купить, то хотя бы поглазеть на конверты западных дисков. Их не зря называли еще «альбомами».

На верхней площадке «Трудовых резервов», у границы с ЖиМом, в выходные и по вечерам собирались любители футбола. Площадка размером с гандбольное поле была идеальным местом для поправки здоровья. Помнится, однажды «Старт» ездил на игру в Павловск, там наши фамилии даже произносил диктор на весь стадион – прям как взрослых! – и в тяжелой игре мы победили 3-2, а потом долго тряслись в ПАЗике по дорогам области, и уж дома, в «Полтиннике», отвязались на всю катушку – сначала в буфете на втором, а потом и на танцах внизу. Там, кстати, запрещено было торговать спиртным, но кого такие запреты напрягали? В буфете нижнего зала (слова «бар» тогда еще не было в ходу) предлагали бутерброды и напитки, и люди знающие всегда могли подмигнуть буфетчице и попросить, оглядываясь, пару бутылочек «минералки». И «минералку» подавали, как и непременно бутерброды, а компании за сдвинутыми столиками периодически обращались за нею снова.

Один мой приятель как-то спросил у буфетчицы минералку, и она дала, а друг за столиком глотнул из бутылки, вернулся и сказал ей: да не, мне натуральную минералку. И буфетчица долго не могла понять, какую еще такую ему «натуральную» минералку надо.

Так вот, утром следующего дня после игры в Павловске вся команда, не сговариваясь, собралась на верхней площадке «Трудовых резервов», ибо ничто так не помогает от похмелья, как футбол: пропотеешь, как следует, и вся гадость из организма выходит.

Давно уже поля «Трудовых резервов» приказали воронежцам долго жить, как и массовые первенства завода по футболу на стадионе том, который покрылся новостройками. Ничего личного против массовости и спорта, только бизнес.

8. Обыкновенный день

Обычный выходной из прошлого, в котором много всякого уместилось. Такой день не помечают в календаре памятных дат. Но я порой думаю: не прячется ли в нем ключик к смыслу жизни?

Недалеко от нашего дома есть озеро – асфальтовые берега, два десятка ив. Рядом проспект, машины ревут, а в озере идет своя маленькая жизнь. Жуки, пиявки, водоросли и даже рыбы. Возвращаясь с работы, я часто останавливаюсь здесь на несколько минут. Смотрю на мальков и на взрослых рыб, поедающих что-то с поверхности воды; однажды вечером я видел, как караси мечут икру – за этим можно наблюдать часами.

Летом на озере сидят с удочками мальчишки и ловят карасиков размером с ладонь. Самых маленьких принято отпускать. Не все могут справиться с желанием оставить рыбку себе, и тогда мальчишки начинают галдеть со всех сторон:

– Выпусти! Выпусти, он еще маленький!

– Я таких всегда выпускаю!

– Да я ничего, – оправдывается поймавший, – я и сам соби-
рался отпустить.

Если кому-то попадет сытый взрослый карась, рыбаки потихоньку стягиваются поближе и начинают усердно хлестать воду удочками.

Однажды мы с Малышом тоже пришли сюда с удочкой; мне пришлось ее купить, потому что он все ныл-ныл и старался вести себя хорошо. Наташка приготовила нам тесто, детские воспоминания о рыбалке тоже влекли меня к озеру, да и Малышу хотелось сделать приятное.

Однако в тот день нам не везло. Клев был – мелочь непрерывно терзала наживку, но поймать рыбу нам никак не удавалось.

– Ну что, – спрашивал Малыш, – когда мы поймаем?

– Понимаешь, – отвечал я, – это все мелюзга. Они даже крючок проглотить не могут, только дергают его. А большие что-то не хотят наше тесто есть.

А Малыш особенно и не переживал. Он нашел себе дело: налил на асфальтовой дорожке лужу, пускал туда жуков и смотрел, как они плавают.

Мне все же удалось поймать одного карасика, я стал звать малыша, а соседние мальчишки смотрели на меня с презрением.

Карася посадили в ведро, он там плавал и даже пытался выпрыгнуть. Малыш сидел рядом на корточках, трогал его, сопел и что-то пел потихоньку.

– Что ты его все время хватаешь? – сказал я. – Больно ведь ему! Тебя бы великан какой поймал и стал за шею хватать.

Он убрал руки, но долго выдержать не смог и снова стал брать карася в руки, открывать ему рот...

Тут подошел мальчишка и сказал:

– Какой маленький! Мы таких выпускаем, пусть подрастут.

Нам пора было возвращаться домой, и я смотал удочку. А мальчишка тот все стоял рядом, и я сказал:

– Давай отпустим его, а?

Малыш спрятал руки за спину и покачал головой:

– Нет, не хочу. Пусть он у нас живет. Я его кормить буду.

– Понимаешь, карасик этот все равно один. Скучно ему. Ты бы хотел один? А у нас он все равно умрет. В водопроводной воде рыбы умирают.

– У меня же никогда не было такого карасика. Я давно такого хотел.

– Ну и что? – заговорил мальчишка. – Малявок нельзя ловить, их по закону отпускать надо.

– Ладно, – сказал Малыш, – не нужен мне этот дурацкий карась.

Он повернулся и пошел к дому. Я бросил рыбешку в озеро, взял ведро и удочку, а когда догнал Малыша, увидел, что он плачет. Идет и тихо воет, и слюни пересекают его раскрытый рот.

«Ты хотел устроить праздник сыну, – подумал я, – вот тебе праздник, и он запомнится».

Я взял его на руки, и тогда он заревел в голос, стал отпихиваться и кричать:

– Не хочу, отпусти меня! Ничего мне не надо! Уйду от вас странствовать!

Я пытался его утешить, но ничего не получалось, хотя позже он позволил взять себя за руку и шел домой покорно. У подъезда я сел на лавочку, а Малыш все еще ревел, причитая.

– Знаешь, – сказал я, – ты ладно, поплачь, это с каждым бывает, а я тебе пока расскажу, какой сейчас праздник у карасей будет.

– Какой еще праздник? – всхлипнул он. – Нет у них никакого праздника.

– А как же, вернулся этот карасик домой, к отцу и матери, а они, наверное, уже плачут о нем: куда же ты пропал, сынок наш дорогой, как же мы теперь без тебя жить будем? А он тут как тут: здравствуйте, я вот он! Как начнут они его обнимать-целовать!

Малыш хихикнул, хотя слезы еще текли по его щекам, но тут же опять нахмурился:

– Да-а, я так хотел, чтобы у меня рыба настоящая жила...

– А потом гости соберутся, – сказал я, – и он начнет им рассказывать, как поймали его два великана, схватили и хотели в ведро посадить. Но не тут-то было! Он одному хвостом как дал! Тот – брык! Тут другой подбежал великан, еще больше, а карасик ему прям – бац-бац! И с берега как прыгнул! Узнали они теперь, как ловить карасика на удочку!

– Это он наврет все? – спросил Малыш.

– Конечно. Мальчишки ведь любят хвастаться.

– А если по правде?

– Ну, тогда скажет, что поймали его два великана, и один, поменьше, оказался добрым и выпустил его обратно в озеро. Теперь карасик того доброго запомнил. Если тот придет к озеру, то карасик покажет его всем своим знакомым, и они перестанут его бояться, и наоборот, будут подплывать к самому берегу и брать корм из его руки.

– Да, – сказал Малыш, – правда. Только пусть он не врет другим, я ведь ему ничего не сделал, только потрогал, и все. Другие мальчишки мучают природу, а я не мучаю. Я просто хотел, чтоб он пожил у нас в ванной, а потом я бы его обратно отпустил в озеро. Правда ведь?

Он помолчал. Слезы его высохли; он посмотрел на меня удивленно и сказал:

– А я знаю, кого слон боится! Робота!

После обеда, когда Малыш поспал, мы втроем отправились в парк. Сначала не собирались идти, потому что было пасмурно, дул ветер и моросил дождь. А потом все же решились, взяли два зонта и пошли.

Когда мы были уже в парке, дождь закончился, а ветер к нам не проникал, он шумел сверху, в кронах деревьев, а внизу было тихо и уютно. Мы пришли к самому старому каштану в парке, и лавочка под ним оказалась совсем сухой. Малыш говорил без остановки – о богатствах, о космонавтах, о змеях, которых он боялся, но очень хотел посмотреть. А мы с Наташкой говорили о своем, и в основном, кажется, говорил я – как странно устроена жизнь, очень зависит от случайностей, даже обидно, а в то же время вот ведь сложились эти случайности, и мы встретились, и у нас родился Малыш... Были, конечно, и ссоры, и Наташка даже заявляла в отчаянье – все, разводимся, но скажи: многие ли из наших ссор ты помнишь? Ведь даже в отчаянье мы не говорили друг другу слов, которые вспомнятся и через год, и через десять, а может, и к смерти.

– Хорошо бы научиться, – сказал я, – видеть, каким мы будем видеть настоящий день в будущем. Запомнится ли он и чем. Я стараюсь этому научиться, и иногда получается. Просто не всегда об этом помнишь.

– Сегодняшний день, например, – сказала Наташка.

Я задумался, а Малыш тем временем нашел каштан и принес его показать, и нам он тоже понравился – приятный на ощупь, с неповторимым рисунком, и еще уютнее стало нам втроем, затеянным в пасмурном, безлюдном парке. А потом ветер вдруг зашумел в кронах, и в траву посыпались каштаны. Малыш бросился собирать их, он никогда не видел такого богатства, да еще чтоб оно само сыпалось сверху; пахучую кожуру он собирал отдельно – делать ежиков, а каштанами набил карманы штанов и куртки, он даже запыхался, но остановиться не мог, потому что раз за разом над нами шумела листва, и новые каштаны сыпались и сыпались с мягким стуком, и мы с Наташкой тоже стали собирать их.

Внизу иногда потягивало сырым ветром, и я заставил ее запахнуть, как следует, плащ, а Малыш все откликался на стук каштанов, вскрикивал и бросался подбирать их, а сам говорил и говорил – почему они падают, и как он их находит, и что он будет с ними делать.

– Видишь, как, – сказал я ему, – в этой кожуре родился каштанчик, маленький совсем, и стал расти. Спал себе и спал, и рос. Видишь, какое приятное у него одеяльце!

Он взял у меня белый слой мякоти, отделенной от кожуры, и спросил:

– А теперь он что?

– Теперь он будет жить среди твоих игрушек. У тебя их много, и ему, наверное, будет интересно.

– А если б мы, – спросил он, – если б мы в таком каштане родились?

– Наверное, упали бы на землю, – сказал я, – кто-нибудь нас подобрал бы, и мы бы стали у него жить.

Но ему этого было мало, и всю дорогу до дома он спрашивал и спрашивал: а падать с такой высоты больно? А если б мы разбились? А кто нас подберет?

Дома мы сложили каштаны в коробку, а шкурки спрятали отдельно – как-нибудь доберемся до них и сделаем целое стадо ежей.

К ночи Наташка устроила глажку, хотя перед этим собиралась спать – устала за день, но вдруг засуетилась, включила утюг и сняла с балкона белье. А мы с Малышом играли. Сначала в орлов и тигров, и мне приятно было ловить его и держать в руках, но он не может без движения ни секунды, сопит, вырывается; так и хочется укусить его за щеку или ногу – такой он мягкий, упругий, кожа пахнет цыпленком, и сам он цыпленок, хотя и любит играть в орлов, – наверное, всем цыплятам нравится играть в орлов.

А потом пришла Наташка и стала хмурить на нас брови:

– Вы что ж это? Обрадовались, что я занята, и давай не спать? Ну-ка быстро в кровать! Время-то уже – ого-го! И никаких разговоров!

Я подумал, что Малыш слишком разыгрался и сейчас не сможет уснуть, и сказал:

– Мы ляжем. Правда. Только ты уходи. Ну, пожалуйста, иди.

Она постояла немножко, но потом поверила и ушла.

– Я каменный человек, – сказал я так, будто всю жизнь разговаривал низким голосом и двигался еле-еле из-за своей непомерной тяжести и мощи. – Я самый сильный и никого не боюсь.

Малыш сначала удивился, а потом закричал:

– Я тоже каменный человек. И я никого не боюсь!

– Да, – сказал, – здравствуй, маленький каменный человек. Мы с тобой самые сильные и никого не боимся, потому что любого можем обратить в камень. И орла, и тигра, и всех, кто нападет на нас. Мы ведь волшебные, дотронемся – и они окаменеют.

Я протянул ему руку, он дал мне свою, и в движениях его тоже была могучая медлительность, а чтобы все боялись его гнева, он хмурил брови, но складок между ними так и не возникло.

– Только знаешь, что, – сказал он басом, – давай орлов не будем обращать в камень. Лучше мы с ними подружимся, и они к нам будут летать на разведку.

Я согласился, и мы решили заключить с орлами союз, а потом оба каменных человека стали обращать в камень все вещи, которые были в комнате. И когда все было превращено, большой каменный человек вдруг сказал:

– Ох, как же я забыл! Сколько сейчас времени?

– Двадцать, – ответили ему, – двадцать часов сто минут.

– Неужели двадцать? Тогда быстрее! Если каменный человек не ляжет спать в назначенное время, он рассыплется в пыль. Я знал одного, ему враги специально не дали спать, и он рассыпался. Садись, я доведу тебя до нашей каменной пещеры, а то опоздаем, и тогда все – рассыплемся оба.

Я довел его, положил в постель и сказал:

– Никто не смог бы спать на этой каменной подушке, только каменный человек. И одеялом каменным накрываться... Не тяжело тебе? А то ведь эта глыба кого хочешь может раздавить.

– Нет, мне не тяжело, – сказал он, вздохнул и закрыл глаза.

Еще минут пять он не спал, ворочался и один раз хотел что-то сказать – наверное, что-нибудь про орлов, но так и не сказал.

Спит маленький каменный человек, сопит себе. Мы с Наташкой стоим и смотрим. Можно вечно смотреть на огонь, текущую воду и на спящего ребенка.

Перед сном я лежал и думал: ну что, сегодняшний день – идеальный? Нет, пожалуй. Были с утра и капризы малыша, и раздражение из-за них, потом еще с Наташкой пару раз возникали недоразумения, да так и не разрешились. Я старался вспомнить подробности их, чтобы хоть немного почувствовать себя несчастным, а потом заснул и забыл, удалось мне стать несчастным или нет.

Ночью я проснулся и сразу не понял, отчего, а потом посмотрел на Наташку и увидел, что она плачет. Без звуков и всхлипываний, просто лежит с открытыми глазами, и по щекам ползут слезы.

– Ты что? – спросил я. – Что случилось?

Она молчала, а ко мне поползло старое предчувствие: вся жизнь наша и благополучие – ложь, фортуна готовит мне что-

то особенно гадкое и заставляет всех лгать мне, и они лгут – не потому, что злые, а просто что-то знают, но не говорят, как человеку со смертельной болезнью.

– Наташ, – сказал я и положил руку на ее плечо.

Она не перестала плакать и только посмотрела на меня безразлично, как на человека незнакомого или, наоборот, слишком близкого.

– Сон приснился, – прошептала она.

Я лежал под уютным одеялом, и рядом была моя ласковая и доверчивая жена, способная расстроиться и плакать из-за плохого сна; утром я проснусь и услышу, как напевает она на кухне, тихо, чтобы не разбудить малыша; еще я вспомнил, как будит она меня на работу: подойдет и дотронется пальцем до носа или подбородка, а я с закрытыми глазами щелкну зубами, пугая ее – ведь я уже почти проснулся. Потому что если ты каждый день идешь на работу, то и сам начинаешь просыпаться к нужному времени. Если же Наташка устала или не выспалась, она просто берет меня за руку, и это мне тоже нравится – обычные будни, не все же праздник.

– Что за сон? – спросил я. – Наверное, ужасный, раз ты так переживаешь?

– Что война началась, – сказала она. – Атомная.

Мы лежали тихо, а она все плакала и никак не могла остановиться. Я не утешал ее. Я думал: может, и вправду не стоит нам заводить второго ребенка. Так страшно думать, что малыш может сломать руку или ногу, открытый перелом – это слишком жутко; или ему могут попасть камнем или палкой в глаз, и я стараюсь не думать об этом, хотя однажды, в глубоком детстве, мне самому попали камнем в глаз, и он был слеп целых полгода, а я тогда не воспринимал это как трагедию, игры продолжались, и лишь теперь я понимаю, каким ужасом это было для моих отца и матери. Но теперь совсем другое дело, мне и самому изредка снится война, снилась и раньше, но тогда это было приключение, а теперь, проснувшись среди ночи от такого сна, впору и самому заплакать, хоть и мужчина, – если б можно было кого-то этим умиловать.

Мы еще долго лежали молча, и Наташка перестала плакать, но слез не вытирала. И на двоих у нас было, наверное, одно чувство: будто эта самая последняя война, которая долго грозила, все же пришла, и теперь поздно кричать от страха или плакать, можно только слушать, как дышит малыш; он не ворочается и лежит во

сне тихо, будто чувствуя беду. Мне казалось, что Наташка тоже прислушивается и измеряет остатки времени его дыханием.

А потом как-то незаметно я уснул.

Утром Наташка подошла своей кошачьей походкой – я почувствовал ее совсем рядом – и, тронув мой лоб пальцем, сказала:

– Вставай, соня. Разоспался. На работу пойдешь?

Сны мои разлетелись – будто тетрадка на ветру прошелестела. Я открыл глаза и вошел в обыкновенный будничный день.

9. Кирдык Дворцу культуры

«Полтинник» долго избегал судьбы множества памятных зданий в Воронеже, но летом этого года пришла и его пора: ГКНПЦ имени Хруничева, на балансе которого числился Дворец культуры им. 50-летия Октября, продал его здание и земельный участок под парком драгоценной площадью 2,2 га богатейшему застройщику за 509 млн руб.

Тысячи воронежцев откликнулись на его похороны и даже создали петицию на Change.org, адресовав ее финансовой компании «Аксиома», службе по госохране объектов культурного наследия, департаменту культуры, гендиректору Роскосмоса Рогозину и вице-спикеру Госдумы Гордееву с просьбой сохранить «Полтинник». Правда, петиция появилась уже после того, как дело было сделано. Вспоминали, что в свое время ДК был одной из главных концертных площадок Воронежа, в нем работали бесплатные детские кружки, тренажерный зал, секции и творческие объединения, в нем проводили концерты, детские елки и новогодние вечера, и на дальних подступах к «Полтиннику» частенько спрашивали лишний билетик; здесь репетировали ансамбли, ставшие лауреатами всероссийских и международных конкурсов, – подтвердить это могут больше шестисот их участников. Вспоминали, как лестница на второй этаж во время «елок» становилась шикарной горкой для малышни, и даже взрослые порой позволяли себе проехаться; нигде больше такого не было! Утверждали, что «Полтинник» для многих воронежцев куда важнее, чем просто здание. А человеичники пусть «они», мол, у себя во дворе строят.

И что расположение и вместимость «Полтинника» гораздо лучше, чем в концертном зале сити-парка «Град», что в Советском районе вообще нет кинотеатра. Что во дворце можно было и концертный зал сохранить, и ресторан сделать, и кинотеатр, сохранить спортивные и развлекательные кружки...

Писали в откликах, что давно живут в другом месте, но «Полтинник» им дорог и сейчас. Это целый пласт жизни многих воронежцев, место знакомства нынешних дедушек и бабушек, пап и мам. Что в Воронеже безрассудно и безжалостно уничтожаются части прошлого, которые делают наш город неповторимым, превращая его в унылое нагромождение «человеяников».

Петиция за сохранение «Полтинника» собрала к сентябрю больше пяти тысяч подписей, но общественный совет при облуправлении по охране объектов культурного наследия не рекомендовал включать ДК имени 50-летия Октября 1967 года постройки в реестр культурного наследия, поскольку никакой исторической ценности он не представляет.

Мир праху твоему, «Полтинник».

10. Сальвадор Дали и мясо

Начало 80-х – самые сумерки «застоя». Нечто как бы мрачное. Но время действует удивительным образом: все плохое тонет в Лете, а хорошее сохраняется. К тому же тогда и небо было голубее, и запахи ярче.

«Интурист» звучит гордо

В те годы инженеров и наладчиков с воронежского завода «Процессор» в разных городах СССР ждали как родных: компьютеры наши были сырыми (шибко быстро делали – по велению Минэлектронпрома) и часто ломались. И мы сами порой выбирали, куда поехать в командировку, – Москва, Ленинград, Киев, Рига, Тбилиси, Калининград, Сочи... Вся страна была перед нами. В Москве, например, нас селили в гостиницы «Белград», «Центральная» и «Пекин» на Горького.

Довелось однажды жить даже в гостинице только для больших начальников. Администратор нам сообщил, что не могут

они поселить простых наладчиков, и требовал указать какие-нибудь важные должности. В конце концов, меня записали так: «Главный инженер города Воронежа», а напарника – «Замдиректора горисполкома».

Могут ли при капитализме простые инженеры и наладчики жить в таких гостиницах? Да всей их зарплаты не хватит. И никогда мы уже не вернемся ни в «Белград», ни в «Асторию»...

И отовсюду мы везли домой горы снеди и подарков. Затаясь нам помогали опекуны; в каждом большом городе у нас был свой человек, которому мы ремонтировали компьютеры в первую очередь, а он обеспечивал нам гостиницы, трансфер и советы. Иногда опекуны, имена которых я помню до сих пор, и сами чем-то нас баловали: доставали нам книги, например, духи. Из Ленинграда я впервые в жизни привез жене французские духи «Диориссимо»; со временем это стало доброй традицией («Фиджи», «Кристиан Диор»). Из Киева, разумеется, всегда привозили настоящий торт «Киевский».

В последний день традиционных командировок в Москву у нас был отработанный маршрут: от Лубянки мы шли по Мясницкой на вокзал группой в три-четыре человека, заходя в каждый встречный магазин, и, как саранча, скупали все, чем могли порадовать свои семьи: колбасу, конфеты, пепси-колу, сушеные вьетнамские бананы, шоколадки, апельсины, кофе растворимый, венгерские мороженые куры, игрушки, утки китайские, даже мясо – ночь в поезде оно могло пережить безболезненно.

К вокзалу мы добирались тяжело груженными, обвешанными, как будущие «челноки», сумками-баулами, зато полными предвкушения радости детей и удовольствия жен.

Гостинцы доставались и соседям, и они всегда готовы были к ответным алаверды, но и без гостинцев были нам почти родственниками; ныне таких душевных соседей, которым смело оставляют ключ от квартиры, где деньги лежат, и которые всегда готовы присмотреть за детьми или перетащить мебель, не бывает.

Между джинсами и сапогами

В Ленинграде нас устраивали в гостиницы «Москва», «Астория» и т.п. Как раз после «Астории» мы с напарником и попали в совершенно позорную историю. Командировка получилась успешной, но весьма напряженной, и мы не успели затаяться

гостинцами для дома. Лишь в последний день судорожно заполнили по сумке замороженным мясом и едва успели в Пулково к своему рейсу. Сдали вещи в багаж, но случился облом: рейс наш откладывали и откладывали «по техническим причинам».

Ждать пришлось долго. Мы ловили объявления по аэропорту, доукупили в ручную кладь по шесть бутылочек пепси-колы, потом сходили пообедать в кафе по соседству, вернулись, и вскоре нас позвали на посадку. В самолете народ был измучен ожиданием; мужики ругали и погоду, и Аэрофлот, особенно негодовала молодая женщина с постоянно хнычущим младенцем.

Загудели двигатели, и перед взлетом стюардесса спросила: все ли забрали свой багаж с отмененного рейса? Это поразило нас с напарником. А что, надо было забрать?! Ну да, самолет же заменили. Похоже, это случилось, когда мы отходили пообедать.

Двигатели выключили, и Пулково принялось искать наш багаж. Нашли не сразу, и мы с напарником не поднимали глаз, чтоб нас не испепелило. А потом вдоль самолета покатали тележку с нашим багажом, и я эту картину вспомню и на смертном одре: на большой тележке, обитой цинком, лежали две жалкие, сморщенные окровавленные сумки, под которыми растеклась грязно-розовая лужа.

Все, занавес. Единственным утешением в той командировке стало вот что.

Мы тогда жили в знаменитой «Астории», правда, с видом во двор, на мусорку. И ленинградский наш опекун предупредил: в универмаге «Юбилейный» завтра выбросят импортные джинсы. Но встать надо затемно, чтоб очередь занять.

Дежурная разбудила нас в полшестого, и через час мы были у «Юбилейного». Тьма, с Невы дул пронизывающий ветер; мы обошли универмаг – ни души. Кой черт нас подняли в такую рань?

А потом из телефонной будки неподалеку вышел мужик и спросил: вы за джинсами? Тогда записывайтесь. Нашими номерами стали 56 и 57. А где народ? Да рассосались все – разве можно простоять на таком ветру до открытия?

Мы зашли в какой-то подъезд и пытались дремать на подоконнике, периодически выходя на разведку. Наконец из служебного входа универмага вышли люди и стали расставлять столы и коробки с товаром. К тому времени в очереди стояло не меньше двухсот человек. Очередь была толстая, жалась к стенам универмага и сильно распухла к голове; там уже начали скандалить, кто и когда

занимал, и кого здесь не стояло. Появилась милиция и стала выдергивать из очереди тех, кто пытался пролезть вне списка.

В одном месте от стены отвалилось человек десять – их будто сжатой пружиной вытолкнуло, и отчаянные их попытки втиснуться обратно были безуспешны.

Торговля, между тем, началась, и по очереди загудело: сапоги, сапоги, сапоги...

Оказалось, «выбросили» не джинсы, а зимние финские сапоги по 90 рублей и осенние австрийские по 140.

Очередь уменьшилась, но не сильно. Почти все, кто стоял за джинсами, теперь стояли за сапогами. И мы стояли. Я переживал за размер – вдруг малы будут или велики. И вспоминал, как в Риге я купил заячью шубку для сына и даже во сне радовался, что везу ему такую классную вещь, и представлял, как обрадуется жена. Но шубка оказалась ему мала, и ее пришлось продать.

Но в тот раз мне повезло (кроме багажа в Пулково), и сапоги оказались в самый раз. И вообще, все неприятности отваливаются, когда уже дома, в Воронеже, взбираешься с сумками на четвертый этаж своей хрущевки, а там тебя давно ждут, и сын уже раз десять спросил: когда папа приедет?

Дверь распаивается, и наступает один из лучших эпизодов в жизни.

Ну, а к сапогам, пепси-коле и мясу – настоящие французские духи «Сальвадор Дали». Вишенкой на торте.

А что, приятно вспомнить.

11. Секретики промышленной безопасности

Как в СССР берегли производственные тайны

Ко времени перестройки, ускорения и гласности СССР был в кольце врагов, хотя и не в таком плотном, как сейчас, и многие предприятия, даже совершенно невинные, спрятали свои названия под почтовыми ящиками – п/я № такой-то. У командировочных из-за этого возникали проблемы, иногда забавные.

Например, в Москве мы должны были поработать в п/я, которое официально занималось производством байдарок. Приехали. Ищем, но в том районе оказалась промышленная зона, и найти нуж-

ный адрес непросто. Спрашиваем прохожих – никто не знает. Наконец, один подсказал: это, наверное, где самолеты? Вон туда идите.

Потом другого спросили, уже про самолетный, и он показал: да вон там!

И точно: адрес совпал, и с улицы издалека было видно крыло истребителя сразу за проходной; его с байдаркой никак не перепутаешь. Уж могли бы для конспирации, что ли, поставить там байдарку.

Проходная особого значения

Московский завод спецсплавов. А в спецсплавы входит золото, серебро и платина. Два часа мы не могли пройти на этот завод, который нас очень ждал. Причиной оказались очки напарника: они не были указаны в пропуске, а напарник мог оправу в цехе позолотить и выйти.

Наконец, разобрались, и мы пошли по пропускному квесту: первая проходная, во второй раздеваемся догола и показываем охране все интимные места, вплоть до оттопыривания и раздвигания. Затем переодеваемся в голубые халаты-шаровары, и нас сопровождают в нужное место. Ремонтируем воронежские вычислительные комплексы. Пашем без обеда, чтоб одним днем, – кому ж охота часами торчать опять на проходной?

Ребята из лаборатории рассказали, что борьба с хищениями на предприятии идет неразгибаемая, но победить наших левшей никому не дано: все равно умудряются драгметаллы выносить.

По пути в лабораторию и обратно мы с любопытством озирались и видели в цехах рулоны самых разных металлов. Но соблазнов у нас не возникало: здесь работают профи, куда нам, дилетантам, против них.

А еще оказалось, что на заводе введен особый режим. ЧП у них случилось: проверка обнаружила пропажу целого ящика с платиной, причем полгода назад. А это ж не какой-нибудь там кусочек или позолота, по поводу которых всегда возникали скандалы и уголовные дела, а хищение государственного масштаба! Насыпалась тьма проверяющих, контролирующих и карающих, и завод перешел на осадное положение.

В конце концов, выяснилось, что ящики с платиной таскали грузчики и в какой-то момент решили перекурить. За разговором в курилке они о ящике забыли и пошли за новым. Почти

год этот бесценный груз стоял в курилке, и его воспринимали уже как привычный антураж.

Ближе к концу смены я вдруг понял: мы с напарником никогда не выйдем с этого предприятия! Ведь когда мы проходили квест проходных, раздевались, оттопыривали и раздвигали, то несли с собой сумки с запчастями. Обычный набор командировочных с «Процессора»: исправные модули, инструменты (паяльник-кусачки-пинцеты-отвертки), коробки с транзисторами и микросхемами и т.п. Золотишко или платину можно запросто напихать под микросхемы на модулях, в коробки и даже в паяльник. А досконально проверить все это охране рабочей смены не хватит!

Я поделился этим с напарником, и он тоже понял, в какую кугу мы попали. Больше того, он поделился еще одной проблемой: у него во рту есть золотой зуб, который не внесен в пропуск. А доказательств, что коронка поставлена давно, нет, так что как бы теперь не сесть в московскую тюрьму.

Мы завершили дела свои, подписали акты и пропуска на выход с завода и поплелись к неизбежному. Сняли все голубое, прошли голышом по охранному подиуму, оттопыривая уши и раздвигая все, куда можно было напихать золотишка, и готовы были выдать охране свои сумки с запчастями. Наверное, придется заночевать там, на проходной завода спецсплавов.

Однако все прошло наилучшим образом: охрана обшмонала наши голые тела, включая волосы во всех местах и очки напарника, так и не позолоченные, но зуб его не рассматривали, а главное, в сумки никто даже не заглянул!

Мы потом, в гостинице, долго еще обсуждали, что в них можно было вынести много чего.

Приятности командировок

Помимо хлопот и недоразумений, командировочным с «Процессора» есть что вспомнить и приятного. Например, знаменитый пивбар «Жигули» в Столешниковом переулке столицы. Воронежские бригады регулярно отмечали там приезд или завершение командировки. Причем в «Жигули» всегда стояла длинная очередь, но воронежцы обычно шли ко входу и там охраннику говорили: мы к Леше. Или к Славику. Вахтер звал официанта, и Леша или Славик проводил компанию к столику и накрывал его.

Хорошо сиделось в «Жигулях»! Но, спрашивается, на какие шиши? А вот на какие: у любого командировочного с «Процессора» был чемоданчик с неучтенными модулями и запчастями. Оформлять пропуск на вынос их с завода, а потом на внос – дело нудное, а командировки часто случались срочные, поэтому выносили это добро через проходную на себе, под одеждой. А если поймают, то начальство смотрело на это сквозь пальцы: для работы человек выносит.

Говорили, что одна бригада сумела вынести с завода целый комплекс ВУМС-25 – размером со шкаф, и пропажи этой на заводе даже не заметили: комплексы времен компьютеризации всея Руси были сырые (шибко быстро делали – типа нацпроект), бракованных блоков и модулей в цехах полно (однажды, например, отправили на экспорт в ГДР сотни дисплеев из изолятора брака, чтобы не срывать поставки), а хорошему наладчику починить брак и вынести – раз плюнуть.

В других городах, особенно в Москве, на эти блоки-модули был спрос, что вполне объясняло почтение официантов «Жигулей» к командировочным с «Процессора».

Были и другие приятности. Например, командировка Адлер – Тбилиси – Ереван. В Адлере мы надеялись подольше задержаться, тем более, что ждали нас там как родных. Но это оказался очень секретный НИИ, и вот какая беда с ним случилась: допуск секретности у нас был второй формы, а к ним нужен был – первой. И нас туда не пустили. НИИ принялся уговаривать «Процессор», чтобы там срочно оформили и подтвердили прибывшим первую форму допуска. А нам ничего не оставалось делать, как вести праздную жизнь, коротая ее на пляже, дегустируя местные вина и чачу, убивая время за преферансом.

Каждый день мы звонили в НИИ, с грустью ожидая, что допуск оформят, но с этим все никак не складывалось. Целую неделю мы так маялись. А потом с «Процессора» сообщили: нет, не выходит с допуском, так что поезжайте, братцы, дальше, в Тбилиси и Ереван: там вас ждут не дождутся.

Больше такой командировки у меня никогда не было. Я бы и теперь охотно в такую съездил.

12. Не думай о ремонтах свысока

Как мы мешали КПСС пойти по китайскому пути

В середине восьмидесятых партия объявила хозрасчет и двинулась в сторону нынешнего китайского пути. Но в итоге что-то у нее не сложилось, и страна пошла по неверному пути обычной колонии, из которой выкачивают массу природного добра: нефть, газ, металлы, лес, морепродукты, золото-бриллиант и вообще все, что имеет спрос за границей.

Свою лепту в неверный этот выбор внесли и мы с напарником. Так получилось, что мы с ним первыми на «Процессоре» начали претворять в жизнь планы партии.

Подсчитали – прослезилась

Партия сказала: надо, и мы с напарником ответили как пионеры: есть! И отправились в первую на заводе хозрасчетную командировку. В смысле, сколько наработаете, столько и получите.

Путь наш был извилист: Воронеж – Северодонецк – Харьков – Киев – Кишинев – Минск – Калининград – Ленинград – Москва – Воронеж. В Киеве, Ленинграде и Москве мы оставались по неделе, а в остальных городах старались обойтись одним днем: налетели, починили все, что можно, и снова в путь-дорогу.

Славная была командировка! Из нее мы привезли кучу подписанных договоров и актов выполненных работ, предъявили их к хозрасчету и стали ждать, что из этого выйдет.

А вышло вот что: плановый отдел завода обсчитал нашу работу и заработки и объявил: нет, это ни в какие ворота не лезет! Если хорошей зарплатой наладчиков и инженеров считалось рублей сто пятьдесят в месяц, то у нас получилось раз в восемь больше. Это может сломать сложившуюся финансовую систему предприятия. Нет, заявил плановый отдел вместе с бухгалтерией, закатывайте губы обратно!

Мы погоревали и постарались забыть, но потом умные люди надоумили нас написать жалобу в партком завода: мол, бюрократы ставят палки в колеса курсу КПСС на хозрасчет и обижают работяг, первыми претворяющими в жизнь генеральную линию партии.

И вот однажды, когда я сидел дома в отгулах, с работы зашел к нам напарник и вывалил на стол невиданную кучу денег: ты-сяча с лишним – зарплата, хозрасчет! Жена поразилась: это вы вдвоем столько заработали?! А он сказал: нет, это только твой муж, а у меня еще такая же куча.

Не знаю, как бухгалтерия выдала ему мою зарплату. Но больше о таких хозрасчетных командировках на «Процессоре» мне слышать не приходилось.

Как Союз писателей компьютеры чинил

К концу восьмидесятых в стране уже сильно пахло новой жизнью, и бригада из четырех «асов» ушла с «Процессора» в поисках новых возможностей. Тогда по всей стране плодились молодежные центры, гнездовья будущих олигархов, и мы строились под крышу одного из них, зарабатывая все тем же ремонтом вычислительных комплексов. Зарабатывать стали лучше, чем на заводе, но «крыша» получала с наших договоров больше, чем сами наладчики, и эта несправедливость заставила искать другое пристанище.

Волгоградская пусконаладочная контора предложила нам больший процент, и некоторое время поработали там.

А к тому времени был у меня членский билет Воронежского отделения Союза российских писателей, и простая мысль самим определять плату за «крышу» привела нашу бригаду туда.

Казалось бы, где писатели и где компьютеры, но оказались они вместе – к полному удовольствию как бригады нашей, так и творческого союза, который на безрыбье получал хоть какую-то денежку.

В отличие от молодежных центров, давших стране плеяду сырьевых олигархов, воронежский Союз писателей ни одного человека в олигархи не вывел, а просто дал возможность нашей бригаде неплохо зарабатывать.

Деньги по договорам мы выбирали командировочными. Ездили на шабашку на неделю, максимум две, а оформляли командировку на весь месяц. Тогда это было просто: билеты на поезд были безмянными, и один из нас раз в месяц ездил на вокзал к прибывшему из Москвы поезду и покупал у проводника 4 билета по рублю. В купе или даже в СВ. Или брал бесплатно, пройдя по вагону. И по билетам выходило, что в командировке мы были месяц.

В столичном НИИ то ли физической химии, то химической физики у нас случилась просто лебединая песня, хотя и с приключениями. На мой звонок они откликнулись так:

– Вы и вправду с «Процессора»? И что, можете к нам приехать?

Мы могли, и за нами прислали директорскую «Волгу». В лаборатории нас окружили программисты: беда у них. Из десяти комплексов работал лишь один, а московский техцентр, который официально их ремонтировал, вызывал у программистов лютую досаду: на заявку приедет мальчик (или девочка), заберет что-то в ремонт, и с концами.

У нас все было иначе: развернули схемы, осциллографы (нам даже притащили откуда-то японский «Тектроникс») паяльники, запчасти и принялись расковыривать гору их брака. Когда заработал первый комплекс, программисты даже поссорились, кому первым на нем работать, а нам предложили курить на месте, чтобы не терять время, и даже принесли пепельницы. Потом притащили нам обед из столовой, молча дышали за нашими спинами и на лету ловили каждую просьбу.

Это и в самом деле была лебединая песня: к вечеру у них работали восемь комплексов, а в остальные два мы сложили весь хлам, который не смогли починить.

Такого счастья программисты не ожидали, принесли нам трехлитровую банку медицинского спирта (физхимия!) и не знали, чем еще угодить.

Я пошел к директору подписывать договор в сопровождении целой делегации во главе с начлабом и начальником отдела. Деньги на договор с нами у них были: тогда безнал предприятий был иным, и «средства» нужно было до конца года потратить, а то на следующий год их урежут.

Директор выслушал восторженную делегацию, дал добро на договор и попросил подождать в лаборатории.

Но вскоре возник облом: юрист и главбух НИИ визировать договор отказались: это ж смешно – ремонт и обслуживание вычислительной техники Союзом писателей! Вы в своем уме? У нас серьезная организация!

Два часа я вел переговоры с директором, главбухом и юристом, и в итоге они стали большой дипломатической удачей: договор подписали – на радость нашей бригаде, которая уже пала духом, и к удовольствию программистов, которые продолжали колдовать на оживших комплексах; лишь один с тоской уехал

домой из-за срочного дела, а начлаб позвонил домой и сказал жене, что вернется не скоро: приехали наладчики с «Процессора», и это какое-то дикое везение!..

Голос у него был такой, что, будь я женщиной, непременно простил бы его.

...Уже во времена капитализма один из нас, попав в полосу безденежья, полез за чем-то на полку в кладовке, нечаянно опрокинул старую коробку, и на него посыпались деньги – записка на черный день, о которой он давно забыл!

Это был очень своевременный привет из тех времен, когда он трудился в столь почтенной организации, как Союз писателей.

13. Йена, парадоксов друг

Путешествие в страну развитого социализма

Попасть в кадровый резерв на заграничные командировки было мечтой любого советского инженера. И в 84-м году эта мечта для меня сбылась: посылают в ГДР на два года с семьей – обслуживать вычислительные комплексы воронежского завода «Процессор» на предприятии «Карл Цейс – Йена». ГДР по престижности командировок стояла на втором месте после Финляндии. Моего друга определили в Польшу на два года, тоже с женой и ребенком, и они к этому готовились со всею приятностью. Потому как своего жилья у одного из лучших спецов завода не было; семья его мыкалась по съемным квартирам с маленьким беспокойным ребенком, и уже смирилась с тем, что своей крыши над головой им в этой жизни не видать. И Польша, конечно, была благодатью.

Однако с заграничной командировкой друг мой обломался. Причем жизни наших семей определила монетка. Вот как это случилось.

Зашел к нам на участок начальник цеха и сказал: ребята, кому-то из вас надо срочно ехать в командировку. Но мы с Андреем уперлись: дорогой Виктор Васильевич, нет. У нас и так две командировки были подряд, мы усердно там поработали, и нас жены и дети, считай, месяц не видели; не, мы в отгула уходим, отдыхать.

Ушел начальник. Но вскоре вернулся: братцы, очень ответственная командировка, кого, кроме одного из вас, могу послать?

Но мы стояли насмерть: выдохлись, мол. Опять он ушел. Но и в третий раз вернулся: парни, у меня в кабинете сидит представитель санатория Министерства обороны в Крыму. Кровь из носа, туда надо съездить и два их комплекса починить. Выручайте.

Мы с Андреем вошли-таки в его положение и поступили так: бросили монетку, кому ехать. Выпало ему. Через неделю он вернулся и рассказал, что починил он комплексы, пришел к начальнику санатория, и генерал положил перед ним на стол ключи: вот трехкомнатная квартира, переезжай к нам на работу – обслуживать вычислительную технику.

Такой вот соблазн для бездомного инженера. А если б я поехал, то соблазняли бы трехкомнатной квартирой меня. И еще неизвестно, что бы я выбрал: квартиру в Крыму или поездку на два года в ГДР. Андрей выбрал квартиру. Вот какое значение в жизни может иметь простая трехкопеечная монетка!

Тем временем поездка наша в ГДР зависла: врачи не желали выпускать за границу 5-летнего Сашка – диатез. Больше года мы бродили по кабинетам врачей, доказывая, что Тюрингия – самый экологичный край восточной Германии, и ребенку там будет намного лучше, чем в промышленном Воронеже. Одна врачиха на это ответила так: вот, вы только о себе заботитесь, как бы заработать на халяву, а про ребенка не думаете, а его там стрессы ждут – как такому малышу жить среди немцев? И вообще, ему там хуже будет.

Давать взятки мы не умели. Жена долго носила с собой в качестве презента хрустальную вазу для врача, но так и не решилась всучить ее. Мы даже смирились, что не поедем, стали ждать второго ребенка, а потом отец мой, ветеран войны, случайно добыл бланк нужной справки с печатью (спер, иначе говоря, со стола врача), мы ее собственноручно заполнили, и проблемы разрешились: нам включили зеленый свет.

В Москве потом ответственный товарищ всю нашу кучу документов, которую в муках добывали мы целый год, и смотреть не стал: просто смахнул ее в стол, да и дело с концом. И в июле 86-го мы отправились в неведомое.

С голодного края

На вокзале Воронеж-1 нас провожали в Москву родители и друзья. Вздыхали, поглядывая на живот сильно беременной

жены моей, и на Сашка, которого обе бабушки с полным на то основанием называли шилом. Теща сказала Оле, утирая слезу: на муки едешь... Родители наши боялись, особенно «недобитых фашистов», мол, зарежут в роддоме. И мы обещали им, что рожать Оля будет в больнице советского гарнизона в Йене.

В Москве действительно были муки. Жара, июль. Мы не смогли купить вечером в магазине молока для каши сыну – нету-с; до вечера все молочные продукты разбирают даже в столице нашей Родины, из которой поезда во все стороны шли с запахом колбасы.

Напряг кончился в Берлине, будто шторы отдернули. Из вагона я вышел в разбитых босоножках, и надо было срочно купить обувь, достойную советского специалиста за границей, но по воскресеньям немецкие магазины не работали. Так и шмыгал я в обрезанных босоножках – типа как на пляже. Зато в душах наших были покой и блаженство, и даже мелкие недомогания отступили. Мы бродили по городу, разглядывая витрины, и чувствовали себя, как в цветочном городе из «Приключений Незнайки».

Бездна отделяла нас от родного Воронежа, где я затемно вставал у закрытого гастронома в очередь за маслом, молоком и сметаной, с непременно толчеей и «вас здесь не стояло!», а ближе к открытию жена будила сына, и вместе с тещей и тестем они приезжали на троллейбусе и вставали в очередь, потому что «в одни руки» давали ограниченное количество продуктов. Еще ездил я в спецмагазин на Ленинском проспекте за докторской колбасой и гречкой – их продавали по рецепту врача для тещи, которой «повезло» быть диабетиком.

А в Берлине проблема была в другом – как сориентироваться в изобилии. Не только с едой, но и с одеждой-обувью, и вообще. И, конечно, мы регулярно попадали в ситуации, о которых потом дома рассказывали байки.

«Карл Цейс» поселил нас в трехкомнатной квартире – неслыханная роскошь для советского инженера, привыкшего жить с женой, ребенком, тещей и тестем в двухкомнатной хрущевке (и ведь это не казалось теснотой!); в немецкой трешке мы с женой сначала просто терялись и звали друг друга или сына: ты где?..

Много чему пришлось нам удивляться в Йене. Например, гастрономии. На заводе кормили сытно, и основным блюдом были айсбайны – свиные ножки с гарниром из картофельного пюре

и тушеной капусты. А гречки, например, мы в Йене вообще не видели: не знают немцы такой еды.

Купили как-то плавленый сырок «Цигенкэзе» – козий. Дома развернули, а он весь покрыт плесенью! Разочарование: вот вам и немецкий порядок – заплесневелые сырки продают! Ну, выбросили. А потом немцы нам объяснили, что козий сыр и должен быть с плесенью. Мы попробовали, и цигенкэзе стал традиционным продуктом на нашем столе.

Или: купила жена фляйшвурст – что-то вроде сырого фарша в колбасной упаковке. Дома сделала из этого фарша котлеты, и они оказались совершенно никакими. А оказалось, что этот фарш немцы просто мажут на бутерброды. И тоже – попробовали, и очень привыкли: вкусно же!

Одним из самых больших удивлений стал немецкий менталитет. Случилось как-то, что мы с женой крепко повздорили. Я хлопнул дверью и ушел в гаштет – пивную (немецкое пиво нашему не только не родственник, но даже и не однофамилец). Взял рюмку водки, пиво и принялся переживать вечную драму русского человека – размолвку с женой из-за какого-нибудь пустяка.

А неподалеку, сдвинув два столика, расположилась подозрительная группа – бритоголовые, татуированные, громкие и развязные. Самый пьяный из них пошел за очередной порцией шнапса и пива, а там очередь. И он полез вперед. Мужик из очереди одернул его: куда, мол, прешь? А тот полез в драку и получил от мужика по морде. И тут случилось нечто неслыханное: в дальнем углу гаштета вскочил из-за столика плюгавый старичок, вскинул вверх руку с красной корочкой и крикнул: хальт! Фолькполицай! Драка тут же закончилась, толком не начавшись. А старичок подошел к бритоголовым и протянул руку: ну-ка сюда мне ваши аусвайсы! И те покорно стали складывать на его ладонь паспорта. Зачинщик драки из-за их спин попытался было выхватить паспорта, но его тут же осадили свои: ты что, дурак? Сядь и сиди тихо!

Вот. Мне и представить было страшно, что случилось бы с таким старичком в нашей пивнухе.

И много удивления было, конечно, от немецкого изобилия всего. Мы и сами приоделись с запасом, и регулярно отправляли в Воронеж посылки. Шли они, как и письма, месяцами и добирались потрепанными, а то и обкраденными. Либо вовсе не доходили. Зимние сапоги «саламандра» я потом носил еще лет

десять, как и любимую куртку из Лихтенштейна, и никогда в жизни у меня не было вещей удобней и комфортней этих.

А через два года, в 88-м, когда мы вернулись домой с подростком сыном и новым человечком, лапушкой-дочкой, к жене постоянно подходили люди знакомые и не очень – насчет того, чтобы купить детские вещи, когда наши сын и дочь вырастут из них.

Кстати, с напарником и его женой мы сразу договорились, что ни в коем случае не будем покупать знаменитый гэдээровский сервиз «Мадонна», ни чайный, ни столовый, – ну, пошло же! Все обыватели тащат с собой из ГДР эти сервизы, а мы не поддадимся.

Ага, сейчас! Закон природы нас победил, и мы, конечно, эти сервизы купили. И до сих пор еще их остатки украшают наши шкафы.

Не надо кричать!

Коллеги-немцы в лаборатории завода «Карл Цейс» удивлялись нашему намерению рожать в гарнизоне – да что вы, у нас прекрасная клиника! И в конце концов убедили. Роддом оказался совсем иным, чем воронежский. Когда начались роды, и я по бумажке вызвал скорую, приехал один водитель, без врача, и удивился моему желанию сопровождать жену. Но не возражал. Довез до клиники, и медики увели ее. И правда – незачем было сопровождать ее. Ну, разве что держал ее за руку всю поездку.

А мы с сыном поехали на автобусе домой, и оттуда я регулярно названивал по бумажке в клинику: ну, как, мол?

Когда родился ребенок, мне не сказали, сын или дочь – там это не принято, а предложили приехать, и я удивился: что, стоять под окнами и кричать: Оля! Оля! С рождением сына в воронежском роддоме № 2 было именно так, а в Йене оказалось, что можно пройти в палату к жене сразу после родов, а на новорожденную девочку посмотреть через стекло в специальной палате, где все стерильно.

Поразительно, но в том роддоме я не слышал криков женщин. Почему-то не орут немки благим матом, как наши. И не лежат в постелях, страдая: медсестры велят им ходить по коридору туда-сюда. Но по камерам неотрывно за ними следят и, чуть что, кладут под приборы и проверяют, не поря ли.

В лаборатории «Карл Цейса» нам рассказали, что роды бывают тяжелыми, и без криков с благим матом не обходится, но в основном хороший уход и присмотр максимально облегчают

стресс и боли. Так что и вправду криков в их клиниках мало-ва-то, а то и вовсе нет.

Немцы же рассказали нам байку о том, как однажды в роддоме у медсестер произошла паника после того, как назначили новую заведующую отделением, и о ней было известно, что она одно время профессионально занималась музыкой – играла на фортепиано. Вот чем могли напугать медсестер занятия начальницы музыкой – попробуйте угадать с десяти попыток. Ни за что не догадаетесь! Эту логическую задачу можно загадывать для развлечений компаний – пусть попробуют найти логическую связь.

А дело в том, что у пианисток обычно длинные тонкие пальцы. Заведующая проводит обход с платочком в руках, и если своими длинными пальцами она дотянется в такие укромные уголки помещений, в которых на платочке останется пыль, медсестрам несдобровать. Во как!

После родов жену поместили в палату на двоих. С ней лежала немка из деревеньки неподалеку от Йены, и с ними тоже случился анекдотический момент. Принесли им в обед блюдо – что-то вроде супа: жидкое пюре с кусочками мяса. Оля, боясь нарушить немецкий этикет, посматривала, чем будет есть его немка, а та, похоже, боялась опростоволоситься перед иностранкой. Тогда жена взяла вилку и стала есть этот суп, а немка последовала ее примеру, и тоже ела его вилкой. Потом мы часто вспоминали этот случай: вот, научила немку советскому этикету!

Роды прошли прекрасно. Носить что-нибудь вкусенькое в роддом не пришлось – жена отказалась: всего ей хватает. Немецкого куратора я спросил, что дарят в роддоме при выписке женщин, и он удивился: ничего. Я настаивал. Нет, вы можете, конечно, принести торт или шоколадку, но вообще-то у нас так не делают.

Мы торт принесли, и ничего, нормально его приняли, хотя и удивились.

Потом уже одна немка из нашей лаборатории ушла в декрет, а через месяц после родов вышла на работу. Мы с напарником пристали к ней: Зигрюнд, а что, у вас нет послеродового отпуска? Есть. А зачем же вы на работу вышли, если отпуск оплачивают?!

Ответ ее меня потряс: но я же не смогу обеспечить ребенку такой уход и присмотр, как в яслях.

Мы не раз видели в Йене, как детсадовских малышей гуляют в специальных тележках по шесть человек, и на каждую группу – нянечка и воспитатель.

Кстати, в Йене мы регулярно общались с русскими женщинами, вышедшими замуж за немцев. Все эти дамы жили в нашем районе и были разведены (менталитет не тот!), но ни одна не стремилась вернуться на родину. Их дети считались немцами, и государство обеспечивало им и их матерям комфортную и безмятежную жизнь – жилье, пособия, льготы и прочие знаки внимания.

Разведенки иногда оставляли нам своих детей, а взамен помогали нам общаться с соседями и прочим окружающим миром, вплоть до полиции, – не может же официальная переводчица сопровождать нас круглые сутки. Но дружбы у русских немчиков с нашим сыном не получалось – какие-то они другие. Сыну проще было общаться с немецкими детьми во дворе. Иногда они приходили к нам в гости – дети, как дети, но ближе к вечеру они беспокоились: а сколько сейчас времени? Семь? Мне пора домой!

Никто из них никогда не оставался в гостях после семи вечера.

Еще один штрих: мы с женой на двоих вылечили в клинике Йены одиннадцать зубов, и почти все пломбы стоят до сих пор. У стоматологов там тоже не кричат. После советской стоматологии, с муками лишившей нас множества зубов, мы выразили восхищение переводчице, но она огорошила нас: да что вы, в ГДР по сравнению с ФРГ стоматология – каменный век...

А какой же век был в СССР, где бормашина воспринималась как орудие пыток?

Ветер перемен

Два года прошло, и начальство «Процессора» уговаривало нас с напарником остаться еще на два – им меньше хлопот с переоформлением, да и немцы были довольны работой нашей. Но бабушки и дедушки детей наших ныли в письмах, что у них внучка в Германии родилась, а они даже подержать ее на руках не могут, да и Сашок «постарел» на два года, и жизнь без внуков им не мила, хоть на кладбище иди. К тому же сыну пора было оформляться в школу, а языка он не знал. Хотя иногда удивлял нас фразами на немецком – нахватался от мальчишек во дворе. Приходит, например, и – мути, гиб мир айне кляйн бонбон! В смысле, конфету ему дать надо.

А еще на родине начались тектонические сдвиги – перестройка, ускорение и гласность; мы жадно слушали новости, и хотелось до-

мой, в гущу. Но если бы остались, попали бы в другие катаклизмы – падение Берлинской стены, объединение Германий, и куда бы занесли «зовьетише шпециалистен» те события, никому не ведомо.

Мы до сих пор иногда вспоминаем те два года в Йене – один из лучших периодов в нашей жизни.

Как пишут в романах: ты хотел бы пережить это время еще раз?

Да.

14. У меня была «копейка», я ее любил

1991-й год был переполнен глобальными событиями – живая история!

РСФСР и прибалтийские республики признали друга суверенными. Демонстрация в Москве (до 300 тысяч человек) против событий в Вильнюсе и с требованием отставки Горбачёва.

В Цхинвали шли бои осетин и грузинской милиции с применением гранатометов.

«Павловская реформа»: обмен купюр 50 и 100 рублей образца 1961 года.

Манифестация против запрета программы «Взгляд», забастовки шахтеров, 500-тысячный митинг в Москве в поддержку Ельцина и за отставку Горбачёва.

Референдум о сохранении СССР, ввод войск в Москву «для защиты депутатов от морального террора демонстрантов»; массовая демонстрация – и на следующий день войска выведены.

Грузия вышла из СССР, и ее президентом избран Звиад Гамсахурдия, следом Чечня объявила о независимости (Джохар Дудаев). Вывод советских войск из Венгрии, Польши, Чехословакии, конфликт в Карабахе; остров Даманский отошел к Китаю.

Ельцин избран Президентом России (вице-президент – Руцкой), Минтимер Шаймиев – президентом Татарстана, Гавриил Попов – мэром Москвы, Анатолий Собчак – Ленинграда.

Распущен СЭВ, расторгнут Варшавский договор. Джордж Буш и Михаил Горбачёв подписали Договор о сокращении стратегических вооружений.

Август, ГКЧП, ввод войск в Москву, массовые демонстрации, знаменитая «пресс-конференция дрожащих рук». Арест членов

ГКЧП. Ельцин приостановил деятельность Компартии РФ. Уход Горбачёва в отставку. Украина объявила о независимости, а ВС СССР принял декларацию о распаде державы и образовании СНГ. Колоссальные перемены с разрушением самого колосса!

«Ласточка» с весной

А в моей семье тоже произошло историческое событие: я купил первую в жизни машину – ВАЗ-2101. Где-то за городом, очень недорого: 15 тысяч рублей за 15-летнюю старушку.

Первая сдача на права стала забавной: инструктор и 4 абитуриента в машине подъехали к кольцу у областной ГАИ («Бермудский треугольник»). А там поток. Первый сдающий сидел-сидел и не рискнул выехать. Инструктор велел: следующий. Но картина повторилась трижды: ни один не смог выехать.

Вторая сдача прошла успешно, и жизнь нашей семьи изменилась: мы стали ездить с детьми на речку и в лес, и жене больше не нужно было таскать неподъемные сумки с продуктами.

Благодаря «копейке» 10-летний наш сын даже стал мужчиной. Случилось это так. Застряли мы как-то в грязи на проселочной дороге. И все попытки выбраться провалились. Грязный и потерявший надежду, я предложил посадить сына за руль, а самим толкать недвижимость нашу. Жена пришла в ужас: ребенка за руль?! Да еще со спящей лапушкой-дочкой в машине?! Но вскоре она поняла, что другого выхода нет. Я трижды объяснил сыну, что и как он должен делать, пока нас с женой колеса будут заляпывать грязью. Он стал очень серьезен и слушал меня, как никогда прежде. Сын все сделал, как надо, и, когда мы выбрались-таки из плена, пытался скрыть радость, но она просто распирала его.

Одна проблема: «ласточка» наша была хворой и часто намекала, что ей пора на покой. Я изучал ее анатомию, разбирал и чинил стартер, карбюратор, генератор и тормозную систему. Катал машину по стоянке на Остужева к уклону, чтобы завести с толчка, регулярно лежал под ней и говорил с ней, как с родной; она старалась, но у нее будто написано было на капоте: «Да когда ж я сдохну?».

Но покоя ей не было. Производство на «Процессоре» накрылось – в страну хлынул поток импортных компьютеров, и технарей выбросило с завода в новую реальность: выплывайте, как знаете. Многие инженеры, читавшие умные книги, знавшие закон Ома и язык шахмат, ушли в «челноки».

Я зарабатывал на жизнь извозом; ничего, как-то выживали. А потом образовалась новая бригада с «Процессора»: мы ездили на моей «копейке» с прицепом по селам Воронежской области, там хозяева резали свиношек, а мы привозили мясо на Димитровский рынок и торговали им. Инженеры, блин, – за прилавком в передниках с разводами сукровицы. Зато семья всегда была с мясом. Да и с деньгами.

Неизвестно, как оторвалась дверь у прицепа, который я позаимствовал у брата, – может, до сих пор она валяется где-то в канаве у проселочной дороги. Но это пустяки. Потому что без двери обойтись можно, а без исправного радиатора – нет. Ранним утром мы возвращались с востока области, торопясь на рынок, прицеп был набит под завязку свиными тушами, а табло в машине показало перегрев двигателя, угрожая ему смертью.

Вышли и обнаружили, что радиатор течет. Вокруг – степь бескрайняя, птицы поют, насекомые стрекочут, и четверо мужиков вокруг умолкшей машины.

Картина Репина: один за рулем, а трое «бурлаков» толкали «копейку» с прицепом до ближайшего села. Там заливали воду в радиатор и безуспешно пытались чем-то залепить свищ. Какое-то время ехали, а потом снова глушили мотор и катили машину к воде.

Таки докатились до рынка. Потные и чумазые, разгружали туши, несли печенку санврачу за печати на мясе и стояли за прилавком. Иногда на рынок приходили знакомые, но я не стеснялся своей новой роли, а даже горделиво думал, что мужчине полезно ради семьи примерить любую роль – да хоть ассенизатора!

Пришли однажды два залетных чмыря и заявили нашему бригадиру, который на Димитровском рынке был своим, что они теперь наша крыша. Бригадир их пощадил, и они ушли с рынка невредимыми.

Про тормоза

Выдержать такой режим престарелая «копейка» не могла, и однажды тормозная ее система приказала долго жить. Я пытался прокачать ее, покупал жидкость, менял тормозные цилиндры, долго лежал под ней, умолял и пытался даже по-инженерному сокращать тормозные контуры, чтобы определить причину. Но не определил.

Кое-как доехал к гаражу брата, и они с другом, матерые шоферыги, усмехнулись: что? Не можешь тормозную систему прокачать? И сказали так: иди в магазин за пузырем, а когда вернешься, будет тебе тормозная система.

Это было в обед, и я сходил в магазин, а вечером эта матерая парочка сообщила, разводя замасленными руками: ничего не понимаем...

Неисправность так и осталась секретом, а из-за моих попыток реанимировать старушку я перестал видеть жену и детей, и они решили, что ну ее на фиг, такую машину: муж и отец дороже. И я продал ее полумертвое тело какому-то энтузиасту, который возомнил, что сумеет вернуть ее к жизни, за \$700 (с 92-го в России решили доллары); сейчас такие цены кажутся фантастикой.

Теперь у нас в семье живет старенькая «Тойота» (опять купил 15-летнюю!), и я до сих пор удивляюсь: надо же, повернул ключ – она заводится и едет, не выдвигая никаких условий и экономических требований.

А брат, давно забывший свою первую машину, «шестерку», забыл и удивляться: те «Жигули», требовавшие массу хлопот, заменили безотказные слуги. Ныне мужики не знают прелестей гаражной жизни и не умеют перебрать стартер или карбюратор с завязанными глазами. Да и гараж стал ненужным – а это ж образ жизни нескольких поколений, достойный философского трактата!

Теперь брат периодически меняет машины, но родными они ему не становятся. Ну, джип, ну, навороты всякие – это для мальчиков, чтоб девочек восхищать.

Вот, говорит он, когда-то быт поколений был почти одинаковым, а жизнь вещей дольше человеческой: их передавали детям и внукам. Теперь все изменилось, и век вещей на глазах становится все короче.

Ну и ладно. А то вот сосед по лестничной клетке, скучный и сумрачный тип, купил новенький Рено-Логан. Он подолгу и с удовольствием протирал зеркала, поправлял коврики и беспokoился о погоде. В разговорах, которые он сам теперь охотно затевал, появилась уверенность и даже небрежность, а на лице – усмешка. Кризис же, и никто не может позволить себе новую машину. А он может.

В багажнике его автомобиля был идеальный порядок, сосед периодически докупал артефакты для машины и любовно перекладывал их в багажнике, меняя местами баллончики автокос-

метики, аптечку, запаску и инструменты. Лишь осенняя слякоть отравляла ему жизнь: за месяц он трижды побывал на мойке и каждый раз зачем-то покрывал машину воском.

С первым снегом в его разговорах прибавилось беспокойства: не испортит ли холод полировку и двери, не замерзнут ли замки. Он снова покупал «незамерзайку» для замков, теплые чехлы, силиконовую смазку для дверей... Зимнюю резину он поставил задолго до заморозков и снисходительно объяснил мне, что резина теряет эластичность уже при плюс пяти – он читал об этом в надежном источнике.

А на днях с соседом случилась беда: под глазом у него появился фингал, на багажнике Логана – вмятинка, на переднем стекле – трещина, а одно зеркало было и вовсе отломано с мясом. Выяснилось, что ему надо было развернуться из левого ряда, и его сзади слегка «поцеловали». Сосед был в ярости: ты что, осел, не видишь, что здесь разворот?! А тот отвечал: ты сам осел, блин, надо вовремя поворотники включать! Ты же в левом ряду едешь, идиот!

Слово за слово, ну и...

А ГАИ, ну что ГАИ, какая теперь разница!..

Перемена с моим соседом произошла разительная: это был уже третий человек за три месяца, и у каждого из них был свой смысл жизни. Усмешка исчезла; теперь он был сутягой с жалобным и скрипучим голосом, в котором слышалась яростная жажда мести всему миру.

– Жениться тебе надо, – сказал я ему.

– Ты тоже злорадствуешь, да? – прошипел он. – Ну ничего, ни-че-го...

Жалко соседа: мужик в самом расцвете сил, на улице чудесная зима, скоро Рождество и Новый год, детишки Деда Мороза ждут, а у него главная в жизни железяка повреждена.

15. Про соседей

Викентий Петрович с супругой Ниной Андреевной живут в однокомнатной квартирке на первом этаже, и я давно уже кладу в их почтовый ящик свежий номер своей газеты. Они живут бедно и при встрече тепло благодарят. А недавно Викентий Петрович вдруг рассказал мне, как они с женой по-

знакомились. Я-то думал, что эти старички могут и золотую свадьбу отметить – так они спокойны и дружны; оказалось, нет: их совместной жизни всего лет семь.

Дело было так. Однажды Нина Андреевна проголодалась на ночь, что случалось с ней крайне редко, решила – а, ладно! – и пожарила себе картошки. Присела за стол у окна, и вдруг в это окно с решеткой кто-то постучал. Она испугалась, сдвинула штору и увидела изможденное бородатое лицо.

– Вы кто? Я милицию сейчас вызову! – вскрикнула она.

– Сударыня, – ответил мужик, – умоляю, не надо милиции... Просто запах вашей картошки меня последних сил лишает. Не могли бы вы дать мне хотя бы хлеба кусочек, а то умру я тут, под окном. А я хоть и бомж, но ленинградский учитель. Бывший, разумеется.

– Какой еще учитель? И что вы делаете под моим окном? – удивилась она.

– Словесности, – ответил он. – А здесь я переспать собрался. По пути в теплые края. В Ленинграде холода наступают, не выживу я там.

Помолчав, она спросила:

– А Хемингуэя как звать? А друга его, тоже писателя?

– Эрнест, – сказал он, – а друга-писателя – Фицджеральд. Фрэнсис он. Скотт, извините.

– А Вересаева?

– Тезка он мне – Викентий. И папа его был Викентием. «Записки врача» – моя настольная книга. Но стол мой вместе с книгами и квартирою отошел разбойникам.

Тогда она предложила бомжу зайти и поесть картошки, пока не остыла. Из последних сомнений спросила: а вы не алкоголик?

Раньше не пил, не курил, теперь иногда бывает, честно признал он. Бытие мое...

И он зашел. И остался навсегда.

Они даже в магазин ходят вместе, тихо о чем-то разговаривая. Одеты бедно, но чисто.

Зачем я все это пишу? А просто приятно.

16. Последний звонок

Обыкновенная воронежская школа в спальном районе. Последний звонок. Торжественная часть, и старик в форме полковника с орденами призывал не поддаваться растлению молодежи, помнить о ветеранах, о великой победе, гордиться Родиной и быть в готовности дать отпор ее врагам.

А потом выпускники пели учителям песни, стихи, свои собственные, читали. И по лицам их было видно, что такого между ними раньше никогда не было.

Ждали, ждали, когда ж эта школа чертова закончится. Вот, закончилась. А чего ж глаза на мокром месте? Ну, родители ладно, они мудрые и знают, о чем плачут. А вы-то?..

Так сын мой в детстве запихивал совок в какую-то щель: пыхтел и трудился минут двадцать – запихнул. И тут понял, что совок потерян навсегда. Как дал реву!

Я спросил мудрую и слабую их учительницу: Наталья Иванна, что ж вы плачете?

Ну как же? как же? Ведь целых семь лет! А они мне уже родные... Это ж целая жизнь, а теперь надо прощаться навсегда. Я как подумаю про колокольчик, как он последний раз сейчас звонить будет, и все, не могу... Ведешь, ведешь их, а потом раз! – последний звонок. И, как Сизиф, возвращаешься к подножью, чтобы опять катить камень в гору.

Что в этом плохого? Пятиклашек наберете – это ж реинкарнация. Как бессмертие.

А я боюсь их. И возраст уже не тот – это как ребенка заводить. В мои-то годы.

Да ладно, про годы. А почему боитесь?

Боюсь. Они не такие, как эти. Таких у меня уже никогда не будет. А маленькие – они еще чужие и холодные. Учиться еще не умеют и не хотят. А эти, знаете, как учились! Ну, не все. Не очень все. Некоторых так и не удалось увлечь. Но это я сама виновата. Кричала на них, ругалась... Двойки даже ставила ни за что.

Ничего себе! Наталья Иванна, вы действительно боитесь пятиклашек, а выпускников – нет? Старшие, выходит, – золото, а пятиклашки – жестокие монстры?

Да, золото. Они мои хорошие, такие жалкие сегодня, наивные... Теперь вот одни остались. Как они без нас? Жизнь-то, она зна-

ете, какая сейчас? А соблазнов сейчас всяких столько... Ночные эти клубы, наркотики, Интернет, боевики, убивают все время. Насмотрятся – чего ж хорошего? А им кто-то подсказать должен, научить. Конечно, они уже большие, да, но еще такие дети...

День Последнего Звонка: ни облачка, и солнце ясное, но еще не июньское, акварельная трава и деревья, и люди вокруг нормальные. Вот верите – ни одного волчьего взгляда. И не о чем плакать. Нету в мире ни бед, ни жестокости, ни наркотиков.

Уходя, я встретил в пустом школьном дворе учительницу. Она стояла, повернувшись к стене, и редела белугой. Ей скоро пора было на урок в новом пятом классе, и она один раз успокоилась и вздохнула ровно, и пошла было в сторону парадного крыльца, но остановилась и опять – навзрыд.

17. Устаревший аргумент

Однажды мы с женой и детьми жили на даче у Владимира Андреевича Добрякова в Песковатке. Они с Тamarой Тимофеевной уехали на юг, а свою любимую кошку и дачу оставили на наше попечение.

Места там чудесные – на границе с заповедником, рядом Усманка, детям очень полезно. Для еще большей пользы приноравлились мы покупать свежие яйца у местной жительницы. Но не всегда успевали. Однажды два дня подряд не успели.

Тогда я пошел на хитрость: предложил старушке покупать у нее яйца подороже, чем другие дачники. Мол, детям очень надо, а то они аллергичные. В глазах у нее отразилась мука: предложение ей понравилось, но что-то мешало его принять. А я был жалостлив и настойчив.

Погрустнев, она вытерла пальцами уголки губ, подтянула узелок на платке и твердо сказала: нет.

– Ну почему же? – удивился я.

– А что люди скажут... – ответила она.

Много воды утекло с тех пор, и в новом веке я с таким аргументом не встречался.

А жаль.

18. Знал бы прикуп – ехал в Сочи

Что может быть желаннее речки и пляжа в жару? Море! Или даже океан. Но большинству воронежцев близок стих Марины Цветаевой про то, что совладельцам пятерки рваной океаны не по карману.

Хорошо бы, конечно, в Турцию... Хотя бедная растительность на турецком побережье Средиземноморья ни в какое сравнение не идет с буйными субтропиками в Сочи. К тому же Турция закрыта, и надолго, поэтому в Сочи и его окрестности хлынуло большинство пляжных туристов России, заполонив все койки и раскладушки. И это так похоже на прошлое.

В Адлере мы с женой побывали в 2002-м, и он оставил массу впечатлений.

Купе поезда № 180 Гомель-Адлер. Кипятка нет, один туалет закрыт. Жара, мухи. Кондиционер? Может, вам еще холодильник в купе?.. Расписания тоже нет. Ясно, что опаздываем, а на сколько – неизвестно. Проводники тоже ничего не знают. Вагон-ресторан отменили из-за экономности пассажиров.

Никогда не заговаривайте в поезде с «менеджерами по жилью» – это прямые убытки. Они появляются в поезде на побережье, как жвачка на подошве – не отлепишься. Лучше изобразите глухонемого.

Искусство выжимания денег из туриста – национальная черта сочинцев. Огромные стаи отдыхающих идут к ним на нерест, как семга, метать сбережения, и грех этим не воспользоваться. Хозяйка гостиницы всучила нам комнату с уверенностью матерого барышника. А мы устали и доверились. Ночью, однако, выяснилось, что обе кровати жутко скрипят, вода из крана течет только по вечерам, кондиционера нет, а кафе за окном гуляет с музыкой чуть не до утра.

Местные – сплошь психоаналитики. Пляжный торговец сумел продать нам ржавую таранку по цене семги. И мы ничего не смогли с этим поделать: так нам и надо.

Копчений мидий! Чурчхела! Бельямур! Чебуреки горячие с мясом, с сыром! Вино домашнее, холодное! Семечки! Кукуруза вареная! Копчений фарэль! Итальянское слово «бельямур» на самом деле русское – белый амур.

Местная СЭС по телевизору сообщила: вызовы «Скорой» за неделю выросли в 10 раз: курортники, изголодавшись, глотают

солнце, море и бельямур, не прожевывая. Ангина и ожоги вместе охотятся на пляжников. Плюс дизентерия. Плюс сердечно-сосудистые – особенно на людей с большим водоизмещением. Но кто на море смотрит телевизор! И целыми днями, в самое пекло, носят торговцы мясное, рыбное, копченое.

Укрытий на пляжах нет. Туалетов тоже. Так что еще вопрос, отчего море соленое.

Отдыхающим удобства не нужны: они и так дуром валят. Среди топчанов – кукурузные огрызки, шелуха семечек, окурки, полиэтилен, бумажки. К обеду мусора полно и в воде. Бабушка, воркуя, поит внучку соком. Допила сама и бросила пакет в прибой!

На пляж причаливает катер. Ходит «капитан» и убеждает: мы на море приезжаем поправить здоровье, а прогулка на катере – высшая форма его поправления! Увлекательная прогулка, купание в чистой воде вдали от берега. Ну же, мужчина! Побеспокойтесь о здоровье своего ребенка – это ваша прямая обязанность!

Не знаю насчет высшей. Рядом с нами как-то расположились пятеро мужчин. За полтора часа они поправили здоровье двумя литровыми бутылками водки, запивая их минералкой и заедая лавашем. Пляж они покинули веселыми и бодрыми, а в качестве рекламы здорового образа жизни на пляже остались все отходы их пиршества.

Экскурсия в Воронцовские пещеры: водила-экскурсовод собрал с пассажиров в полтора раза больше, чем в прайсе – «на экологию». По пути он слезно уговаривал всех поехать еще в одну экскурсию, частную. И все ныл, как мало ему платят. А недалеко от пещер выяснилось, что до них надо еще пешком в жару идти 2 км. Но если мы еще скинемся, водила доставит нас к самому входу.

В ресторанах и кафе крутят блатняк. Такие трогательные баллады – наслушаешься, и самого на нары тянет. В кафе ждем, а официантки сидят в углу, увлекшись беседою. Потом одна принесла нам кофе и опять села, а про обед наш забыла. А на прощанье – с вас 10 % за обслуживание!

Есть и столовки. Там дешевле. Но могут дать холодное и сомнительное. Пюре с советской котлетой. И вряд ли даже гурманы догадаются, как называлось это блюдо в прошлой жизни. Хотя можно назвать его универсально: «Ностальгия».

Культурная программа. Каждая афиша – королевская. Король пародии. Король эстрады. Король юмора. Цены билетов – в зависимости от площади королевства и нахальства дилеров.

Я – старый командировочный волк. Ни разу в жизни меня не обкрадывали. Но мысль о том, что в Сочи летом слетаются лучшие карманники страны, почему-то не приходила мне раньше в голову. И вскоре я убедился, что мужчина должен не только родить сына, построить дом и посадить дерево, но и хоть раз попасть на «щипача». Иначе так и умрешь, не испытав сильных ощущений, необходимых для поддержания тонуса и формы.

Было так: народ брал штурмом маршрутку. И стопка денег, которую мы побоялись оставить в снятой комнате, – ку-ку. Штурм наверняка спланировали щипачи.

За все эти лишения здесь можно получить главное – море. Большое и нежное, облизывающее тебя, как корова новорожденного теленка. Оно не виновато в местном сервисе, и можно бы не обращать внимания на мусор в нем. Но если ты плавниками бьешь волну, а навстречу тебе презерватив...

Но утром – хорошо. Дети с таким восторгом плещутся в прибое... Это самое большое взаимное удовольствие, когда море, такое взрослое, дурачится с детьми, качает их волной и выбрасывает на берег вверх тормашками, а они визжат и хохочут.

А уж в Аквапарке дети отвязываются напрочь. Радиорубка с утра ищет их для мам, которые ждут у топчанов и по инерции чего-то боятся – и зря, потому что детям некуда пропасть, они просто часов не наблюдают. После обеда мамы привыкают, что все хорошо, и уже дети начинают искать своих родителей. Пляжи в Аквапарке чудесные, людей мало – все ушли скатываться по трубам в воду.

Хорошо бы стать богатым и красивым и провести в Аквапарке остаток дней своих.

Тут же, кстати, можно полечиться. Некий доктор с лицензией обещает по громкоговорителю приятное с полезным: за один сеанс избавиться от болезни века, остеохондроза. А заодно улучшить зрение, слух, осанку, сколиоз. Особенно доктор давит на родителей, чтобы позаботились о позвоночниках своих детей. А также об их слухе, зрении, прилежании, спокойном характере и хороших оценках в школе. «Дети становятся ровными». И всего за один сеанс! Но мы не поддались. Поэтому не знаю, почему нынче сделать ребенка ровным.

Скорый поезд № 38 Адлер-Минск. Он сильно опаздывает, и в нем нет расписания. Вагоны похожи на трофейные: в войну белорусские партизаны отбили у немцев и теперь ездят в них к морю.

«Санитарная зона побережья» – нет там никакой санитарной зоны! Путь усыпан бутылками, пакетами и прочим хламом. Ходить в туалеты нельзя, даже детям, взамен пассажиры ходят мусором в окно.

Дела давно минувших дней... Теперь там, говорят, хорошо. И как же хочется на море!

19. А вот кому Турцию!

Секреты популярности средиземноморских курортов

Что может быть желаннее речки и пляжа в жару? Море! Или даже океан. Но большинству воронежцев близок стих Марины Цветаевой про то, что совладельцам пятерки равной океаны не по карману.

Как только наши договорились с турками об открытии авиа-сообщения, российские туристы массово начали менять «отечественные» путевки на курорты в Турции. Разумеется, они тут же взлетели в цене на 20-30 %, но все равно дешевле краснодарских и крымских. Туроператоры уверены, что спрос на Турцию скоро устанится, цены уже начали падать на 15-20 %. И там нет таких проблем, как на нашем юге, где наводнение, ливни и выгребная канализация из частного сектора отравили и море, и отдых.

Но чем же россиянам намазано там, в этой Турции?

А есть, что вспомнить.

Кому нужен берег турецкий?

Чартерный самолет в Турцию дешевле поезда Воронеж-Сочи. Причем самолет из Воронежа до Анталии дороже, чем из Москвы, что ни в какие законы арифметики не вписывается. И гостиницы дешевле, особенно «горящие» туры. Да еще «все включено», что тоже казалось мифом: как это – ешь, сколько влезет? Я поесть большой не дурак.

Оказалось, все действительно просто. Заплатил дань таможене, они визу шлепнули в паспорт, и – гуляй. Некоторые гуляют сразу. Одного мужика из самолета соседи довели до автобуса и остави-

ли на лавочке. Не знаю, доехал он или проснулся утром в кустах турецкого аэропорта без багажа, денег и документов; извините, это какая страна? Турция. Охренеть!

Гостиница приятная, хоть и три звездочки. Номер в отеле Rose почему-то дали нам в подвале, и портье ничем помочь не мог. Загорелый мужик с полотенцем: дайте им 5 баксов, переселят. Ничего себе! Заграница называется – как и не выезжали из России! Однако дали: хотелось побыстрее в море плюхнуться. Переселили. Хотя там не подвал вовсе, а низкий первый этаж: прямо с балкона два шага сделал и плюхайся в бассейн.

Море Средиземное насквозь прозрачно. Рыбки плавают, как в аквариуме. Вода соленей, чем в Сочи; не плывешь, а нежишься. В Сочи – пакеты, презервативы, бычки (не рыбы), пачки от сигарет или молока дрейфуют вдоль побережья. Плавали, знаем.

В Rose живут в основном россияне – те же, кто раньше покрыл сочинские пляжи «культурным слоем» мусора. А здесь не смогли. Вечером по пляжу здесь ходят турки и собирают каждую мусоринку, моют топчаны из шлангов.

Как умудрились турки сохранить первозданную прелесть своего моря – загадка. Черное море не чета Средиземному. Даже не близкий родственник. Здесь плывешь – дно видно, как среди коралловых рифов. Но не достать – глубоко. Средиземное море – рука, качающая колыбель древних цивилизаций. А горы расположились на берегу, чтобы спокойно встретить старость. Они древние, и где-нибудь на скалах наверняка есть надпись «Здесь был Одиссей». И мы с женой. Приятно.

Чувствуется традиция жить вместе с природой, а не мордой в салате. Вот она, разница: буйные субтропики кавказского побережья ни в какое сравнение с бедной растительностью Турции не идут. Ничего подобного Красной Поляне здесь нет. Но роскошь черноморских субтропиков отравлена мусором и «сервисом».

В первые дни новеньких активно разрабатывали гиды: не берите туры на улице – обманут. Но соседи по отелю учили нас обратному: не берите у гида – это вдвое дороже. А когда гид пугает, что бывает с теми, кто купил тур на улице, это не впечатляет: россиян такой фигней не запугаешь.

После «лекции» девушки-гида народ столпился вокруг нее: все хотели купить экскурсии. Одна пара даже поссорилась: жена хотела заплатить немедленно, а муж – узнать, что почем, в тур-

фирмах, которые там на каждом шагу. Магия гида была столь сильна, что жена обозвала мужа жмотом и заявила, что немедленно уедет домой. Он, однако, выдержал гидскую магию, а на другой день, когда стало ясно, что туры у гида стоят намного дороже, чем в любой фирме, жена говорила: прости, я не понимаю, что со мной было. Наваждение какое-то! Хорошо, что ты меня удержал.

Гида на экскурсиях все остановки делают в намеченных местах: фабрика ковров, фабрика изделий из оникса. Рассказы их – высший пилотаж круче 25-го кадра. Ласковые коробейники ведут завораживающие сказки о своем товаре типа «Тысячи и одной ночи», и туристы с глазами кроликов распаивают кошельки. Розыгрыши призов, нагнетание ажиотажа. Здесь многие покупают что-то, а потом себе удивляются. Я, например, вознамерился купить в долг ковер, показавшийся мне волшебным. Цена в \$2000 меня почему-то не смутила, и только на следующий день отошел я от гипноза: ты что, дурак?..

Гид: после 10 вечера девушкам нежелательно ходить по Кемеру в одиночку: возможны неприятности. Но россиянину это – тьфу. В Воронеже с девушками случается по вечерам куда худшее. И, в отличие от Сочи, куда летом съезжаются все уважающие себя карманники, о воровстве в Турции не слышать. Похоже, благодаря доброй восточной традиции отрубать вора руки.

Вот еще отличие: здесь нет похабных взглядов и приставаний. Горячие турецкие парни внешне напоминают горячих кавказских, но турки честно служат, а на Кавказе местные не скрывают, что они – хозяева.

Русскоязычных здесь много: торгуют путевками, работают в сезон обслугой, продавцами в магазинах. Некоторые здесь уже много лет и, наверное, навсегда.

Зимой в Rose одни немцы. Пенсионеры. К маю начинают приезжать французы. Но лето здесь – русское.

Поедем, красотка, купаться!

Новый заезд узнать легко: они молочно-белые и пугливые, глаза растерянные, в ресторане набирают по две-три порции с верхом.

Через пару дней их порции уменьшаются, и глаза уже не горят вопросом: неужели это все мое?! Для туристов из России «все включено» – небывалое испытание, которое может изме-

нить смысл жизни. Похудеть не удастся: выбор еды огромен, а питание, считай, пятиразовое. Какой дурак будет сидеть на диете? Халява! Включая спиртное.

Веселый бармен Ферид немного говорит по-русски. Мы предложили ему водку «Путинка». Озираясь, Ферид присел, выпил и побежал дальше хлопотать. Еще он соблазнился на сигарету «21-й век»; таких в Турции нет. Там в ходу «Мальборо», а «21-й век» для них – русская экзотика.

Погода в Кемере – южного темперамента. Однажды вдруг рухнул ливень. Весь день ветер и волны пытались оторвать от причала прогулочные катера, а потом будто тумблером щелкнули: блаженная тишина, и море будто извинялось: ох, простите, я погорячилось и больше так не буду, разрешите ваши ноги поцеловать... И за двенадцать дней ни разу больше непогоды не было.

После посещения Кемера мы с женой вступили в тайный орден, члены которого дают страшную клятву, что никогда больше нога их не ступит на Черноморское побережье.

Хотя Турция здесь ни при чем. Просто отравили нас нормальной жизнью, и с тех пор море иногда снится. Средиземное.

20. Охота за орхидеей

Позвонил Герхард, знакомый инженер из Йены. Много лет мы с ним не общались, и вдруг объявился. Оказалось, что его сын Кристиан целый год переписывался в Интернете с девушкой из Воронежа и теперь по уши в нее влюблен. Студентка, отличница, спортсменка и, наконец, она просто красавица. Хотя и не комсомолка, нет. Но Кристиану это не важно. Он хотел бы приехать в Воронеж, встретиться со своей Людмилой и подтвердить ощущение того, что ему несказанно повезло. Что нашел он ту единственную, которая была предназначена ему на небесах, и вот – сбылось. А если все подтвердится, он и жениться готов. Ему 20, ей 18, вполне гармонично.

Ты не беспокойся, сказал Герхард, он парень самостоятельный, будет жить в гостинице, с деньгами у нас все в порядке; просто, если понадобится, окажи консультацию – где там, как и что у вас в Воронеже. И сам приезжай при случае в Йену, рады будем видеть тебя с женой, а то ты к нам давненько что-то не заглядывал.

Через месяц приехал Кристиан, я встретил его на вокзале, а потом мы долго общались в гостинице. Все, что знал, я ему рассказал, и больше он ничем меня не загружал; так, изредка позванивал для проформы.

Через неделю я провожал его домой. Повезло ему с русской красавицей или не повезло, так и не разъяснилось. Кристиан уезжал в полной растерянности, смысл которой он обозначил такими словами: это совершенно иная цивилизация!

Во-первых, в Воронеже на удивление много красавиц, сообщил он. И вроде бы этому есть логичное объяснение: в позапрошлом веке княгиня Ольденбургская, от которой под Воронежем сохранился престарелый замок, одержима была манией собирать в своем крепостном имении самых красивых девок и покупала их по всей стране. Гены этих вот крепостных девушек до сих пор гуляют по улицам Воронежа. Причем большинство из них так же бедны, как и во времена княгини Ольденбургской. Это удивительная смесь – красоты и бедности. При этом одеваются воронежские девушки намного эффектнее, чем женщины в Европе. Нет, на Таиланд это не похоже; там совсем уж нищета, и девушки, как это по-русски говорится, экзо-тич-нее, их можно покупать. А Воронеж все-таки не Бангкок, это европейский город.

Сочетание элегантности и «стесненности в средствах» бросается в глаза, сказал Кристиан. Тут недалеко от гостиницы такая девушка за прилавком хлебного магазина работает – просто кинозвезда. Даже лучше кинозвезды, потому что она скромная, и нет в ней ни грамма голливудской похабности. У нее большие карие глаза и простая стрижка, а косметикой она вообще не пользуется, да и не нужна ей косметика. Но она такая, что я потом ее во сне увидел, и плакать хотелось. Так жаль ее, и так хотелось ее полюбить – но я ж не могу, я к Людмиле приехал. А той девушке, скорей всего, достанется какой-нибудь грубиян, который ничего не понимает в драгоценностях. И такие жемчужины в Воронеже – сплошь и рядом.

«Так ты решил жениться или нет?» – спросил я.

«Не знаю, – ответил он. – Мне надо очень медленно обо всем подумать».

Здесь, продолжил Кристиан, в банк заходишь, и там такой персонал, как в модельном агентстве. У нас в Германии не так. У нас женская красота, образ жизни и положение в обществе связаны. Богатая женщина стремится к красоте и достигает ее.

У нее правильная диета, она живет в экологически благополучном районе и не кушает дешевые макароны. Она пользуется дорогой, эффективной косметикой, поддерживает в порядке каждую часть своего тела. У нее есть бассейн и фитнес, массаж, теннис и многое другое; состоятельная женщина имеет все, чтобы сделать себя красивой. Это общественная гармония. А в России такой гармонии нет совсем. Здесь, как в мире дикой природы, много удивительно красивых девушек без всяких на то оснований.

Во-вторых, сказал Кристиан, один мой друг тоже имел переписку с русской девушкой. И примерял ее фото и письма к немецкой социальной гармонии. Он съездил в Россию, имел очаровательный месяц, потом женился и увез ее в Германию. Но уже через год развелся. Потому что у нас жизнь идет совершенно по-другому. Немецкие женщины очень любят домашний порядок. А русские жены продолжают и в Германии жить, как в дикой природе. И если она не умеет и не хочет регулярно вытирать пыль и класть вещи на место, то получится, как кошка и собака: собаку можно приучить к порядку, а кошку нет. Поэтому у нас много жен из России, но большинство из них разведены. Они не хотят уезжать из Германии домой и остаются там навсегда. У них есть жилье, и оно не становится немецким, а вещи в нем лежат в других местах.

Мужчинам, которые привозят жен из России, редко удается соединить их мен-та-ли-тет с немецким порядком и организованностью. Я и раньше слышал это не раз, сказал Кристиан, но был уверен, что Людмила – очень умный человек, она все понимает и станет немкой. Самой красивой немкой на свете. Но сейчас я уже ни в чем не уверен. Мне надо думать.

В-третьих, сказал Кристиан, у русских девушек непонятная сексуальность. В Европе есть определенные правила сексуальности, а в России их нет. Немецкие женщины добились большого равенства с мужчинами. В прессе и на телевидении много лет проходят дискуссии на эту тему, и благодаря феминисткам в обществе есть писанные и неписанные правила, которые соблюдаются. Немецкая женщина на работе не носит мини-юбку и высокие каблуки; она там работает, а не соблазняет мужчин. Поэтому она никогда не наденет на работу колготки с рисунком, мини-юбку и туфли на высоком каблуке. Если она идет на свидание, то, конечно, не в деловой одежде, но и тогда она не станет надевать вызывающее мини, огромные каблуки и ажурные колготки – ина-

че ее могут принять за проститутку. Одежда, в которой она идет на свидание, обычно говорит о том, что она равна с мужчиной и может прожить одна, даже если его любит. А главное – привлекательность женщины – результат ее ума, вкуса и достигнутого положения в обществе; это отнюдь не привлекательность обнаженной самки. Подчеркнутая одеждой и макияжем сексуальность женщины в Германии не считается большим достоинством и говорит, скорее, о ее психологических или социальных проблемах. Поэтому она чаще вызывает у мужчин сочувствие, а не желание.

И мужчины в Воронеже странные, сказал Кристиан. Они – как индейцы, готовые променять золото на бусы. Вот та девушка в хлебном отделе, она могла бы позировать для лучших художников планеты. Я бы часами смотрел на нее, а там идут мимо люди, она дает им хлеб, и никто почти на нее не смотрит. Нет, я не влюблен! Любить и любоваться – разные вещи. Просто это ужасная несправедливость. Как радуга или водопад, если на них никто не смотрит.

Эта очевидно бедная девушка – не результат селекции, дорогого и правильного образа жизни и хороших косметологов. Она – как орхидея в джунглях, где любая обезьяна может нагадить на нее или просто слопать. А когда таких бедных красавиц много, то европейский человек может потерять опору и ориентацию на общественные ценности. Нет в России женской красоты как социально значимой категории! Нет, и все. Поневоле растеряешься.

И тут вот еще что, сказал Кристиан: у Людмилы папа – писатель. Романист. У него есть даже книжка стихов. Он странный человек, никогда не улыбается и совсем не против, если дочь его выйдет замуж и навсегда уедет в Германию. Я теперь не знаю, она ли писала мне те удивительные письма. Я стал во всем сомневаться. Мне надо привести в порядок свое мироощущение.

На вокзал провожать Кристиана приехала и Людмила. Она оказалась удивительно хорошенькой, с наивными чистыми глазами. И почти ничего не говорила, только грустно смотрела на него. Лишь напоследок, скромно положив руки ему на плечи, что-то прошептала на ухо. Они даже не поцеловались.

21. Гонка по вертикали

Откровения воронежского бизнесмена

С Мишкой мы учились на одном курсе в политехе, потом вместе работали в НИИПМ и на «Процессоре» и играли за «Кристалл» на первенство города по футболу. Он был одним из ведущих инженеров на заводе, настоящим – из тех, кто читал хорошие книги, и мы часто обсуждали их, а однажды кто-то в курилке произнес фразу из Пушкина, а Мишка подхватил ее и минут двадцать читал вслух «Евгения Онегина».

Подогрели, обобрали...

Тогда он был молодым и легким. Теперь он толст, лыс и сморщен; я смотрел на него с содроганием, как в зеркало: черт побери, треть века прошла – это ж целая жизнь. В начале 90-х он, как многие инженеры, ушел с завода в «челноки». Слышал я, что «братки» сожгли у него два павильона, один с автозапчастьями, другой – мясной. Однажды я встретил его в поезде, и он рассказывал, что торгует арбузами. А у самого на щеке появился шрам уголовного вида. Потом как-то встретились в городе, и он гордо сообщил, что лесом торгует. Со временем он попал в нужную струю: пошел в политику, стал городским депутатом. Бизнес его тоже перешел на другой уровень, и однажды Мишка даже баллотировался в Госдуму. Но его развели политические «братки»: деньги за место в партсписках взяли, а в последний момент вычеркнули. Мишка был потрясен столь откровенным «кидаловом» и рассорился с местной политической «элитой». Он пытался скандалить, однако результат получил обратный: стал изгоем, достижения свои постепенно растерял, и даже раскрученный бизнес у него отобрали.

Давно уже Мишка исчез с политической арены и местной информационной поляны, на которой когда-то исполнял роль трудоголика, который сам всего добился, рубахи-парня, часто помогавшего сирым и убогим, и правдоруба, способного в горящую избу войти, коня на скаку остановить и дать отпор местной мафии.

Он завел меня в ближайшее кафе и стал вдруг делиться житейскими своими делами. Беседа наша под рюмку чаю становилась все откровенней и теплее. Я спросил Мишку про рейдеров, отнявших

его бизнес. Ой, а то ты не знаешь! Залетные хищники и местная «элита» подгребают все, что плохо лежит, особенно не церемонясь: недвижимость, рекламный бизнес, перевозки, сельхозпроизводство. С Мишкой тоже все было элементарно: пригласили на встречу крупные деятели, сказали, что его бизнес необходим городу: на базе его создадут грандиозный проект, так что продай. И предложили цену в 2,5 раза меньше реальной. Мишка ответил: да пошли вы! Ему сказали: ладно, иди. А потом его бизнес отобрали бесплатно. Как, как... Элементарно, Ватсон: юристы, надзорные органы, прокуроры, полицейские и суды. Отобрать можно у любого, потому что чистого бизнеса в России нет. Вообще нет – такой уж у нас умышленный капитализм. У каждого успешного бизнесмена полно скелетов в шкафу, и к нему рано или поздно придут.

Ратмир и Людмила

В разговоре о наглости рейдеров Мишка чрезвычайно меня удивил, вдруг заявив, что даже благодарен этим уродам. При этом глаза его, несмотря на коньяк, были ясными, и он улыбнулся моему удивлению. Да, благодарен. Потому что после краха всего, что строил он целую жизнь, с ним случилось просветление. Я теперь, как Ратмир, сказал Мишка, – нашел истинный смысл жизни. Выпал из этой гонки и страшно этому расстроился, но потом осмотрелся и увидел, что на самом деле стал совершенно свободным человеком – вообще другим, понимаешь? Никому ничего не должен, кроме самого себя и близких, никаких встреч, обязательств, расстройств, обломов, бега по лабиринтам и замкнутому кругу – и какой же это был груз суеты и беспокойства! Вместо сутяжничества за отнятое добро, в которое обычно впадают ограбленные, Мишка вдруг обрел душевный покой и понял: да это же самая настоящая свобода!

Вот у него друг был когда-то. Он спился. И Мишка теперь знает, почему: вместо детей и жены – «личная жизнь» с эскорт-услугами, вместо друзей – покер и «деловые» сауны, общение со всякой сволочью, которая в глаза лебезит, а отвернешься – продаст, не задумываясь. Многие его знакомые начинали бизнес вместе с родственниками или друзьями, но мало кто сохранил с ними добрые отношения; прежние ценности больше не катят: бабло превыше всего! Жизнь в вечном беспокойстве: надуй дру-гого, пока он не надул тебя; даже поговорить по душам не с кем.

А если пелена вдруг спадет, фальшь становится невыносимой. Сопьешься тут. И чего ради весь этот напряг?

Семь лет назад Мишка сына женил: ресторан, гости дорогие да важные, стол царский... А у них с женой свадьба была в двухкомнатной хрущевке, и жили потом в ней же: тесть с тещей, Мишка с женой, ребенок – и разве тесно было? Раньше он ездил на «копейке» и сам ее чинил, а когда купил свой первый «мерс», радости было полные штаны. С тех пор сменил десяток иномарок, но той радости уже никогда не испытывал. Теперь вместо хрущевки – коттеджик, но у сына свое жилье, а на фига Мишке столько комнат на двоих с женой? Зато уже лет сто он не читал хороших книг; а помнишь, как мы о них спорили? А помнишь тренировки на полях у лестеха? Тихое утро, свежесть, листва весенняя, тренер хлопает в ладоши: побежали, мальчики, побежали! И бежишь, такой упругий, что взлететь можно. Классно было, да?

И на хрена ему такая подмена? Одно жаль: сколько ж гонка проклятая у него отняла!

Нет, в хрущевку назад Мишка не хочет, но дело-то не в коттеджах, ресторанах или бабле. К нему вернулась роскошь читать хорошие книги, гулять с внучкой по лесу, грибы собирать, муравьев рассматривать, лечь на спину и смотреть на облака. Как в детстве. На этом свете нет ничего слаще внуков! У него теперь есть внучка – ангел небесный: она знает некоторые буквы и истинный смысл жизни. А прежней бессонницы нет. Он теперь как Ратмир, нашедший вдруг то, что не искал, и ему хватило ума понять, что именно это – главное. И не имеет он больше ни малейшего желания воевать с Русланом за свою бывшую мечту. Ты же помнишь, да?

*Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат.*

А смерти я теперь не боюсь, – сказал Мишка. И поведал, как его родственнику прописали операцию на сердце, и его жену, детей и внуков накрыло тучей. А особенно накрыло его.

Ему повторяли: не волнуйся, все будет хорошо! Но он знал, что жена иногда плачет по ночам, и туча не уходила. Он стал нервным, похудел и жаловался, что пальцы стали дрожать, как у глубокого старика – а он ведь еще не глубокий! И говорил жене, что ему надо бы уйти позже ее, иначе как она выживет на свою жалкую пенсию домохозяйки? Она обижалась: что это ты меня

на тот свет провожаешь? Не хочу я; у нас с внуками любовь до гроба, и я хочу еще помогать им со школой и вообще.

А потом старый приятель рассказал ему, как попал в тяжелое ДТП. И увидел это как бы со стороны и сверху: две разбитые в хлам машины, «Скорая», экипажи ГАИ, суетящиеся люди...

А мне так хорошо! – сказал приятель. И знаю я откуда-то, сказал Мишка, что ничего плохого с моей семьей не случится – не за что особенно карать их небесам. Но пришлось вернуться – и больно же, блин. Хотя и знал я уже, что никакой боли выше человеческих возможностей не бывает. Зато появилась какая-то новая платформа у души: раз меня вернули, значит, так надо во благо мне и близким. Чего тебе переживать-то? Дадут снотворное перед операцией, уснешь, а дальше не твоего ума дело, куда тебя небеса определят. Я вот живу себе, и все нормально. Но не против, чтоб тогда я так и остался где-то сбоку и сверху, купаюсь в блаженном покое. Да и теперь знаю, чем все кончится: мне опять станет удивительно хорошо.

Разговор этот почему-то произвел на родственника сильное впечатление. Он оправился от невроза и бессонницы, и пальцы его перестали дрожать; он даже начал слегка поправляться, хотя прежнего веса не достиг. Даже радовался, что похудел: сбылась вековая мечта всех толстых!

Перед операцией он сам уже уговаривал близких, чтобы не нервничали: все будет хорошо, не сомневайтесь.

Так все и вышло: он сам мне все это рассказал.

Ну, сказал Мишка, за истинный смысл!

22. Жизнь невпопад

Матушка моя жила невпопад. Старость свою они с отцом встретили порознь: он уехал в деревню своего детства, а она осталась в старенькой городской квартире. Теперь они и похоронены на разных кладбищах.

Ни малейшей ценности для туристического бизнеса матушка не представляла. Ее сбережения обесценились реформами, а при дележе страны достался ей ваучер ценой в бутылку водки. Не создала она для Родины ничего такого, чтоб получить взамен душевный и материальный покой.

Всю жизнь она работала инженером в проектно-институте, и в семье на всем сэкономили ради кооперативной квартиры. В прежние годы матушка много шила. На себя, на меня с братом, пока мы были младенцами, потом школьниками. А внуки ее родились к перестройке, и шитье на них было совсем невпопад: в магазинах всего полно, и внуки с внучками не желали носить сшитое бабушкой.

Давайте я вам что-нибудь подлатаю, предлагала матушка, вот курточка совсем ведь новая; ну, дырка, а мы ее заделаем. На дырку нашивалась какая-нибудь аппликация, матушка приносила куртку, очень довольная, и просила еще что-нибудь дать ей в ремонт. Давайте носки заштопаю или вот эту маечку зашью...

Она приходила к нам, сидела в кресле, держала в руках мою газету, иногда пыталась читать ее, надев очки, но быстро утомлялась. Порой засыпала, а я думал: ну, мам, чтоб тебе дома лечь в постель и спать, спать, сколько хочешь... Нет, приходила и засыпала у нас. Потом встрепенется: ну, расскажи мне, расскажи, как твоя работа, чем ты сегодня занимался?

Сдерживая раздражение, я говорил ей, сволочь, одно и то же: ну что, мам, да как всегда. Встал. Умылся. Позавтракал. Пошел в редакцию. Встречался с разными деятелями – бизнесмены там, политики, чиновники. Общался и с нормальными людьми: учителя, врачи, просто жители, жертвы ЖКХ или чиновников. Работал дома за компьютером.

И каждый раз матушка счастливо улыбалась, гладила меня по руке или спине и говорила одно и то же: ой, ну как же хорошо, как я люблю, когда ты мне вот так рассказываешь!..

Жена предлагала ей чего-нибудь перекусить с нами, и матушка обычно отказывалась – нет, ой, что вы, я такая сытая! – но потом мы ее убеждали: это и не обед вовсе, а так, под разговор, и она соглашалась и ела, нахваливая. А мне было вечно некогда сидеть с ними, нужно было зарабатывать на большую семью, я уходил к компьютеру и иногда возвращался к ним на кухню, чтобы выпить вместе чашечку кофе; я вот он, просто дела отвлекают. Хотя какие уж там особые дела...

Разговоры их с моей женой были все о том же – детки, здоровье их и учеба, и как страшно жить стало на свете. Обе – мамы, просто разных поколений, и порой разговор их сбивался на тему справедливости: ты детям всю душу, а они... Чем взрослее, тем несправедливей. Как в притче о злой девушке, которая сказала

влюбленному в нее парню: хочешь, чтобы я поверила в твою любовь? Докажи – принеси мне сердце твоей матери. Он пошел и вырвал сердце матери, побежал обратно, споткнулся и упал. И сердце материнское спросило его: ты не ушибся, сынок?

Притча казалась мне наивной до идиотизма, но однажды мы с женой были одни и смотрели телевизор, и там кто-то повторил эту притчу; я видел, как сжались ее руки, а лицо опухло и стало некрасивым, она широко раскрыла глаза и не шевелилась, чтобы не уронить слезы.

Иногда в матушкиной квартире что-то ломалось, и она робко жаловалась по телефону, извиняясь, что отнимает время. И очень радовалась, когда я или брат приходили к ней починить телефонный шнур или смеситель в ванной. Суетливо накрывала стол: чай, дешевое печенье, и вела все те же разговоры: ну, расскажи, сыночка, каким был сегодня твой день. А потом не раз звонила по телефону: ой, да спасибо вам, мои хорошие, ну как же замечательно вы все починили, а то я уж и не знала, что делать. Ой, да какие ж вы молодцы у меня, умные и умелые!..

Одевалась матушка по принципу «мне этого достаточно». Нас с братом даже укоряли за глаза: мол, приличные люди, а матушка их в тряпье каком-то ходит. Мы ее допрашивали: мам, давай мы тебя в санаторий отправим, пальто купим или сапоги новые. Но ей ничего не было нужно. Мы что-то покупали, а она прятала это в шкаф.

Однажды слух дошел, что она просила милостыню на рынке – к позору двух благополучных сыновей и к полной нашей растерянности. Ну что с ней поделаешь?! Она старалась хоть что-нибудь оставить после себя детям. Наследство – как свидетельство, что она жила в этом мире. Квартира, например, старая брежневка в доме, в котором начинают обваливаться балконы. Какой уж тут «родительский дом»?.. Одно пепелище. Жизнь ее уместилась в несколько коробок: старые вещи, смысл которых был ясен только ей, и пакет с фотографиями. Юная, молодая, дети, родственники, друзья, сослуживцы. На фотографиях она была школьницей, чьей-то первой любовью, невестой, и вся жизнь была у нее впереди. Я сидел у нее на руках ангелочком в белых кудряшках, и тогда она не знала, что однажды я приду, а она, старая и беспомощная, будет лежать на полу в жалкой ночной рубашке.

Брат позвонил: что-то не так; мы тут зашли к матери, а она храпит в туалете и дверь не открывает. А тут и жена моя нервничала:

мать, мол, обычно каждый день звонит, а вчера – нет. И сегодня не звонила... Мы быстро собрались и поехали.

Она не храпела во сне, когда брат нашел ее. Она хрипела. Инсульт. Душа ее уже покинула тело, но вернулась, когда пришли сыновья, и пыталась подать им знак.

Сутки или двое она провела в узком туалете, в котором дверь открывается внутрь. Брат выломал дверь, и матушка лежала на пороге. Вызвали «Скорую». Мы пытались ее поднять, а она говорила сквозь окоченевшие губы: бо-на, бо-на. Мы понимали, что больно, и не знали, что делать. Иногда она открывала глаза, но в них ничего не отражалось. Мы ходили по квартире, стояли возле матушки, смотрели на нее. Потом догадались: подоткнули одеяло под ее неподвижное тело и перенесли на диван.

Прохладный зал в больнице, и она лежала там под капельницей на тележке среди других умирающих. Голая старость, накрытая простыней. Живому там было бы холодно. Я трогал ее руку и говорил: мам, это я. Пальцы на ее правой руке вздрагивали, она дышала чаще, но глаза ее больше не открывались. Будто кто-то махал платочком с отпльившего корабля – туман его поглощает, уже ничего не видно, только эхо доносится. Зря, наверное, я звал ее. Мучил только.

Ей повезло: она не загрузила родных и близких тягостной болезнью на годы, чтобы подавать утку, кормить с ложечки и мыть ее неподвижное тело... Ей повезло: она умерла в три дня. Скоренько так, чтобы не отрывать нас от важных дел. Но я и теперь слышу, как там, за туалетной дверью, капало время: пять минут, полчаса, ночь, утро, день, еще ночь... Может, в эти длинные часы она вспоминала, как долго умирала ее мать. Вся семья тогда была прикована к слишком узким воротам моей бабушки; она никак не могла в них протиснуться, хотя была очень худой. В детстве она казалась мне противной старухой. Все следила, учу ли я уроки.

Я помню: когда матушка умирала, когда умерла, и были похороны, крышка гроба у подъезда, соседи, яма, крест, – я машинально что-то делал и говорил. А через неделю после похорон мы с женой пошли на рынок, она подошла к киоску за ветчиной, а я стоял рядом, и вдруг слезы потекли по лицу, будто что-то во мне проткнули, и я ничего не мог с этим поделать.

Жена молча обняла меня, бросив сумку, и прижалась, и какое-то время мы так и стояли с ней, обнявшись среди толпы, – два немолодых уже человека.

Подушка со снами: от кошмаров до блаженных полетов. В снах есть места, где я никогда не бывал наяву, а во сне узнавал их: здесь со мной уже что-то происходило... Встряхнуть подушку, перемешать – и что-нибудь выпадет. Рулетка такая.

Вот и выпало: я спускался по лестнице, а вдоль перил молча и неподвижно стояли люди. Среди них я увидел маму в длинном пальто, которого при жизни у нее не было. Я подошел и обнял ее, прижавшись щекой к ее щеке, и поцеловал холодные волосы. Мы оба знали, что она мертва. У матушки подогнулись ноги: она не могла стоять, ведь у нее инсульт, и она так и не вышла оттуда, и я не знал, почему она оказалась здесь, в веренице молчащих людей вдоль холодной грязной стены. Она опустилась на каменный пол, и я поддерживал ее – как будто опускал в могилу.

В том сне мы и простились окончательно.

На годовщину мы с утра поехали на кладбище. Зима в тот день была – как в новогоднем мультфильме. Хорошо им там, на кладбище: полная тишина, снегом замело могилы и памятники. Можно представить, как уютно лежать под белоснежной толщей, – будто медведям в родной берлоге. Созерцание, которому никто не мешает. Мы, правда, помешали, хотя и не сразу нашли нашу могилку с березой. Расчистили дорожку и могилы мамы и бабушки, запачкав снег прошлогодней травой и ветками. Ну, надо ж как-то отметить. Постояли. Нарушать глубокий покой кладбища было кощунственно – может, кощунственной даже, чем вообще не провести маму на годовщину. Ворона присела на ветку, стряхнула маленький снегопад и долго разглядывала нас – молча и подозрительно.

Выпили по полрюмки водки, съели по конфете, бормоча ритуальное «царствие небесное», и пошли обратно. Снег повалил, засыпая наши следы.

Матушке ничего не нужно было от жизни. А если и было нужно, мы этого ей не дали. Были заняты благоустройством своих семей, а здесь всегда полно проблем. Она это понимала, но ей некуда было больше идти. Приходила и сиротливо заглядывала в наши семьи. Мы как бы заботились о ней, предлагали путевку или деньги, от которых она всегда пылко отказывалась. Однако долг перед родителями – святое дело, и нам удавалось деньги ей всучить.

После смерти она их нам вернула, оставив две сберкнижки, завещанные на сыновей. И несколько коробок со старомодным добром;

выбрать из них что-то для пользования или в качестве сувениров трудно, выбросить – святотатство. Оставили все там, в комнате, кроме фотографий. Те, кто купил потом матушкину квартиру, наоборот, выбросили эти коробки; мы с братом этого не видели.

Матушка уже знает разгадку самой главной тайны, а я – нет. Она не ходит ко мне во сне. Лишь один раз я видел ее, на годовщину. Она приходит почему-то к жене. И там, в темноте, они о чем-то шепчутся.

23. Рыбалка на Дону

Чтобы попасть на Дон детства, надо сесть на старый автобус, уходящий с воронежского автовокзала на юг, и долго ехать в нем по колдобинам. В том автобусе всегда было полно народу, и все со всеми здоровались. Бабки с корзинами и мешками обсуждали, у кого, кто и где родился, кто умер, почему «вышни об этом годе совсем не уродились», про козу, которая пропала. А мужики в помятых пиджаках и рубахах, застегнутых на все пуговицы, но без галстуков, насмешливо старух задирали; мир деревенский был маленьким и замкнутым, и в нем своими оставались даже те, кто навсегда его покинул.

Дорога домой

...И ждешь, когда за мутным окошком автобуса блеснет Дон. Уже ты дома: на той стороне реки – озера, за ними дремучий, как в мультиках, лес, а на этой стороне, на холме за деревней, – аэродром с «кукурузниками» и тренировками парашютистов. Идти туда долго, но мы с друзьями иногда ходили, потому что кто ж не летал во сне.

И вот крытая соломой бабкина хата под огромной акацией. У порога стоял бивень мамонта – потрескавшийся, как кора древнего дуба. Копали огород и нашли. Всегда он там стоял, а куда делся потом, когда не стало ни бабки, ни детства, не помню.

Вместо порога у двери в хату лежал огромный мельничный жернов; бабка точила на нем ножи. Уходя в магазин или за водой к ручью, хату она не закрывала, а просто втыкала палку в петли – мо, нету меня.

Подпол в сенцах, из которого и в жару несло холодом и плесенью, под кроватью в бабкиной спальне-кухне банки с варе-

ньем – на приклеенных к ним бумажках карандашом коряво и с ошибками помечено, из чего и когда оно приготовлено, и время медленно растворяло эти записи; кот Мурзилка – ласковый и теплый, но с холодными глазами охотника на мышей. Сундук старинный рядом с кроватью. В нем бабка хранила богатства всех времен: платья, пальто, платки, куски ткани, свечи, старинную пудреницу с мутным зеркальцем в крышке. Изредка она перебирала эти сокровища, наполняя комнату запахом нафталина.

В часах на стенке кошачьи глаза тикали вправо-влево. Ходики. Теперь и слова-то такого нет. Стол под абажуром, у окна швейная машинка Zinger с ножным приводом – трофейная: отец привез с войны; кровать с набалдашниками, послевоенная роскошь с огромной периной, – в ней и взрослый утонул бы.

В доме неистребимые запахи кур, варенья, картошки, полыни и укропа; даже лоскутное одеяло пропиталось застарелым духом сушеных трав – многолетний перегар зимнего одиночества, когда никого не ждешь, и плакать не о чем, даже болезни не пугают, и надо как-то прожить до весны, когда одеколонный запах акации накроет хату, жернов у порога, подгнившую от дождей солому на крыше, неприкаянный бивень мамонта, тоже жившего когда-то в этих краях; и скоро уже придет внук на каникулы, надо только пережить весенние заморозки и черную грязь под галошами...

С каждым летом бабка становилась все ниже, а морщины на лице ее и руках все глубже – как трещины в иле, иссушенном жарой. Бабка расспрашивала, как там кто поживает, и вспоминала даже таких родственников, которых я вообще не знал. Рассказывала, кто, когда и о чем писал ей письма, хотя мне это было неинтересно. На жизнь она не жаловалась, про гостинцы – колбаса, чай, конфеты – долго сокрушалась: да зачем же вы тратились, все у нее тут есть, и ни в чем она не нуждается. Но лекарства от своего сына, моего отца, прятала на печке. Помню, что пенсия у нее была 19 рублей, из которых она давала рубль почтальону, приносившему деньги, и мне, а остальное завязывала в платочек и прятала. С платочком она и в магазин ходила и там расправляла его на ладони, как скатерть-самобранку, и беззвучно шевелила губами, пересчитывая монетки. Комнату она зимой сдавала постояльцам, а летом главным здесь был я. Хотя и нужна-то мне была хата – только переночевать.

От рассвета до заката

Рыбы ведь на Дону было полно! Раньше. Потому что однажды, уже к концу школы, мы с друзьями пошли на Дон, а там по берегу ходили дружинники и всех предупреждали: рыбачить и купаться нельзя! Дон стал серебряным, и несколько дней мы ходили на берег смотреть на могильный поток рыбы, еще не зная, что несчастье это – как заваленный ход в детство, и это навсегда.

Потом уже я узнал, что взорвался цех на заводе СК в Воронеже. Много ли счастья людям принес тот цех, неизвестно, а Дон с той поры стал инвалидом, и рыболовецкие бригады никогда больше не тянули сети по его берегам.

Главное для успешной рыбалки на Дону – метелика, личинка бабочки-однодневки. Заходишь в воду, выламываешь кусок глинистого грунта, и он изрыт норками, как сыр. Насаживаешь метелику на крючок, а она не сопротивляется, обнимает лапками цевье железное, которое ей через горло втыкают... Но это я с возрастом понимаю, как именно ей больно, а тогда острее был восторг рыбалки и трепет рыбы на леске.

На метелику любая рыба ловится. С мая до середины июля мы всегда были с уловом, приводя в досаду заезжих рыбаков: они с дорогими снастями на берегу сидят и ничего поймать не могут, а какие-то мальчишки с самопальными удочками тягают одну за одной! И уходят потом со снизками во весь свой рост.

А в июле у метелики наступает великий день: они покидают свои норки и превращаются в бабочек. Вылет метелики – как бег антилоп в долине Серенгети. Как огонь и вода, костер и допад. Летней ночью – белая метель, и всю эту ночь над рекой слышны всплески, шорох и чавканье: у рыб идет пир горой.

С рассветом все успокаивается: час бабочки миновал. Пренежного рыбацкого раздолья уже не будет, хотя немного метелики остается в норках – самые робкие их души оттягивают миг превращения. А утренний туман на лугах и озерах по-прежнему манит к себе, и это как-то связано с ливнем, в который однажды я попал на Дону и спрятался под ивой; гром шарахал над самой головой, ветер швырял гроздь дождя, они стучали по воде и по глинистому берегу и сбивали листья и целые ветки. А потом наверху решили, что хватит с меня. Солнце вышло, и берег был покрыт узором дождя, сотни ручейков журчали и пенились, смывая в Дон чернозем, листву и ветки; резко пахло

травой и не пойманной еще рыбой, а вода под солнцем была фиолетово-черной.

Радуга выросла из озер и леса на той стороне реки, бесшумно протянулась над рекой и опустилась в сады на этом берегу. Кажется, что внутри нее звучит мощная и безмятежная нота – как клавиша органа. А построй к утру мост, говорил царь в сказке, – так вот же он, и не к утру, а мгновенно, и моста величественней не бывает.

Тихо на Дону, только вода с шелестом крутила буруны, и где-то далеко, у моста, дурачились в лодке мальчишки, их крики и смех разносились далеко, будто сама река подталкивала эти звуки – как ракушку, пущенную по воде.

Вечерняя зорька: безмолвный небесный парад распустился и увял, лишь редкие сонные звуки; кто-то огромный и невесомый укладывался спать прямо на реку, сады, огороды и хаты, шевелился иногда и дышал. Небо темнело и становилось фиолетовым, потом – бархатно-черным, и звезд насыпалось в нем с краями, а из сада вдоль дороги полз туман, настоящий на яблоках.

И главный смысл жизни был ясен: идти босиком на Дон. Все другие смыслы – суета сует. А еще – вернуться сюда к старости, чтобы просыпаться рано утром и смотреть из окна на дуга за Доном, на озера и туман. Встал, облепленный старческими снами, выглянул в окошко и стоишь, замороженный туманом, мерцанием воды вдалеке и графикой дубравы за озерами, и мучаешься: тебя манят, и ты готов, но что делать дальше, не знаешь. Просто смотреть? Или собрать удочки и бежать, задрав штаны, на рыбалку? Смешно же – старик в роли мальчика... Что делать-то?

А может, заклинание какое-то произнести, согнуться – и вдруг отрываешься от земли, медленно, и поднимаешься выше, выше, распираемый холодком в животе и радостью. И улетаешь к чертовой матери – вот и вся загадка. Некоторые называют это инсультом.

Жили-были

На берегах Дона всегда люди жили; вон, сорок тысяч лет стоянкам в Костенках... Раньше Дон был живым, и люди были с ним одной крови; в высоком берегу кто-то обустроивал ступеньки, пастухи приводили коров, лошадей и коз на водопой, стаи уток и гусей вольно плавали на тот берег, мальчишки строили трамплины и устраивали шумные игры в реке, а по мосту понтоному шли на заливные луга трактора, комбайны и «полутор-

ки», мужики на телегах ездили через Дон заготовливать на зиму сено; даже на лодках сено возили; колхозники приходили сюда купаться на закате, рыбаки с удочками ходили на озера и на тот берег, и им всегда было, о чем рассказать и показать руками.

Раньше заря в деревне начиналась сплошным петушиным хором на все голоса: и басы, и дисканты, и со всех сторон – кто кого молодевателей да подбоченистей!

Полно было жизни на Дону!

А теперь... Бесполезно пытаться войти в одну и ту же реку через полвека после детства. Дон меня не узнал. Чужой и холодный. Даже страшноватый – кто знает, что там, в его мутной глубине? Ступенек теперь никто не делает; полчаса искал я по обрыву спуск к воде и, наконец, спрыгнул. Метелики почти не было, минут сорок я, забравшись в воду по пояс, шарил руками по дну. Десятка два личинок я все-таки нашел. Снарядил «резинку» и был уверен, что теперь вся рыба – моя. Однако даже на метелику клева не было – так, за два часа раза три царапнул кто-то мою наживку, и все. И ни одного живого человека я на реке не видел.

Дон теперь течет сам по себе – не кормилец он больше и не поилец. Не тянут сети рыбаки, и нет мальчишек, чтобы играть в «рули», орать на всю реку и прыгать с трамплина, и никто не купается больше в реке – грязная слишком и какая-то неуютная, больная... Уток, гусей и рыбаков не видно: прежнее рыбное раздолье закончилось, да и некому особо рыбачить, а птицу дачники не держат и на Дон купаться не ходят; ставят себе баньки за глухими заборами и живут особняком. На улицах не здороваются, как прежде, с незнакомцами и не спрашивают: «Ты чьих будешь?», и не затевают неспешных разговоров о погоде и урожае, о том, кто умер в селе, и кто у кого родился; на машинах вжик – и только гарь бензиновая по пустынной улочке, на которой даже куры давно уже не попадают под колеса, а в лужи после благодатного дождя ни одна свинья не забредает понежиться в теплой черной грязи.

И утро начинается иначе: случайный петух прокукарекает свою здравицу, издали ему кто-нибудь из коллег отзовется, и тишина. Потом еще одна попытка вернуть прошлое прозвучит над сонной деревней, и опять тишина; будто и не сонная она, а полумертвая, и на петушинные здравицы рада бы подняться, да сил нету...

На тот берег Дона к озерам, дубравам и пойменным лугам уже не попасть: понтонный мост однажды снесло половодьем, и с концами. После войны мост восстановили, а в век инноваций и нанотехнологий – никак. Возле заповедного озера Погоново ныне барские угодья – зона отдыха, охоты и рыбалки, а в окрестностях – роскошные пастбища для мясного бизнеса больших господ. А мостик копейный не ставят, чтобы смерды не мешали им думать, как обустроить Россию.

И давно уже нет моих друзей детства. Один, здоровяк, умер от гангрены: ногу на лесопилке отрезало. Второй по тюрьмам пошел. Еще в юности он пьяного обобрал, и его в колонию отправили. Отсидит, выйдет и пьянствует. Опять посадят. Третий куда-то уехал, не оставив знаков из наших детских игр в казаки-разбойники.

Говорят, приезжал сюда как-то барин на джипе, пьяненький, переоделся в лохмотья, взял удочки и босиком пошел на Дон. Сказал родственной старушке: ты дура, ничего не понимаешь: на Васильевский остров я пришел умирать!

Но он опоздал, как и я: Дон уже был равнодушным и никого не узнавал.

И уже много лет метелика вылетает на Дону без меня. Из своей колеи я стал намного меньше видеть. В детстве видел облака, синюю бездну, яблони, вишневый или сливовый «клей», муравьев, траву, вулканчики родников. Муравьев мы кормили гусеницами. Искали в саду и несли к муравейнику, чтобы посмотреть сражение. Зорьку почти каждый день видел. За яблоками лазили в сады, за грушами; живой помидор или огурец оботрешь рукавом – они и пахнут совсем не так, как магазинные, и вкус другой. А трава-мурава – у нее такие семена были, колечками. Мини-орешки. Целыми днями мы дома не появлялись, и руки, конечно, были грязными, но болезни за нами не успевали.

...А еще звездное небо ранним утром, когда часа в два ночи мы шли с удочками, спотыкаясь в полной темноте, на Дон или озера, чтобы успеть к зорьке, – бархатное небо со звездами опускалось прямо на дорогу, и больше я в своей жизни к нему не прикасался.

Когда-нибудь я вернусь туда. Насовсем.

Бабло и дети

В песочнице занимались детскими своими делами трое малявок, а рядом остановился знакомый бизнесмен и удивился: что, все твой? Я сказал: да, эсэмэски мои – Света, Маша и Сережа. Погодки, что ль? – спросил он. Да, ответил я. Виктор пробурчал: богатый ты дедушка. Но взгляд его почему-то был злым. Я не понял, почему, ведь когда мы с этой стайкой идем по Северному лесу или по двору, то все встречные на малявок моих улыбаются. И некоторые тоже говорят: какой богатый дедушка!

А потом он рассказал, что его единственный внук – такой же малыш, но Виктор видится с дочкой и внуком только по скайпу, потому что живут они в Италии; мальчик не говорит по-русски, и родной дедушка для него – чужой дядька на экране. А сын Виктора учится в Англии, и будут ли у него когда-нибудь дети, неизвестно.

И на хрена я строил здесь свой бизнес, сказал Виктор, пахал сутками, как папа Карло, отбивался от всяких уродов – кому все это надо?

Ну и переехал бы, сказал я, в Италию свою. Или в Англию.

Нет, ответил он. Разлетелись птенцы, не угонишься. Пустое гнездо осталось. В коттедж, блин, столько сил и бабла вложил! Да и не нужен я им. И никому теперь на хрен не нужен.

Жаль человека. Я, например, и на одре вспомню, как однажды пришлось заехать в редакцию вместе со своими цыплятами. Там было пустовато, и я взялся читать верстку, а они ж любопытные – разбрелись по комнатам. В какой-то момент вдруг хлопнула входная дверь, и в редакцию зашли две солидные женщины. Малыши мои их перепугались и со всех сторон кинулись ко мне – как цыплята под крыло наседки.

Увы, не дано моему знакомцу пережить это чувство, которое не измерить никакими деньгами...

Как вызвать дождь

Воля ваша, но что-то неладное происходит с отечественной метеорологией. Она все чаще попадает пальцем в небо. Уже месяц нет дождя, и флора засыхает вместе с подножным кормом на дачах и огородах, а в прогнозах за этот месяц дважды обещали дождь, но не исполнили это важное обещание.

Возможно, метеорология ни при чем, а виновато глобальное потепление и изменения климата, которые и спутали предсказателям все карты.

Но у меня есть рецепт. Внуки научили. Есть такая песенка-заклинание:

Злую точку наказали:

– Ты плохая, – ей сказали.

И она заплакала

Да кап-кап-кап – закапала.

Кап-кап-кап, дождик пошел...

Если такое заклинание спеть мультфильмовскими голосами двух девочек и мальчика, дождь непременно пойдет: мы не раз проверяли его этим летом.

И наоборот, если кто-нибудь вдруг собирался спеть эту песенку, когда мы собирались на речку, другие спешно ее или его останавливали: ты что?! Мы же на речку!..

Вот, сегодня стайка этих ангелов небесных приедет к нам погостить, и мы обязательно споем заклинание, чтобы прекратить шершавую сухость последнего времени. Надо просто верить в то заклинание, как верят они.

Посмотрим, что получится.

Как встретиться с Дедом Морозом

Ведь что удумала эта малышня, погодки Света, Сережа и Маша. Они в последнее время стали вдруг послушными, иногда закрывались в своей комнате и шептались; мама их даже забеспокоилась: может, заболели эти «энерджайзеры»?

Потом я обнаружил в их комнате тайник и в нем – два мотка суровой нитки, кнопки, детские ведерки с морской галькой, бублики, печенье и конфеты.

Логичных объяснений тайнику не нашлось. Я завел беседу с младшей, Машуткой. Она сначала отпиралась и отводила глаза, но в них прятался «секретик». Потом вдруг заплакала и сказала, что боится за Деда Мороза.

Оказалось, что перед новогодней ночью человечки протянут бечевку возле двери и поставят ведерки с галькой; такую же сигнализацию проведут возле балкона и на подоконниках. Дед, войдя в их комнату, споткнется, ведерки загремят, человечки проснутся и, наконец-то, встретятся с ним. И узнают, как он проникает в дом, когда все закрыто, и почему им раньше не удавалось его увидеть.

Он им покажет мешок с игрушками, и они сами выберут себе подарки. Сереже, например, очень нужен радиоуправляемый бульдозер.

Свете очень хотелось погладить оленей; это для них она припрятала угощенье.

Еще человечкам надо поговорить с Дедом Морозом про снеговиков и Снегурочку. Где живет она и откуда взялась, и почему снеговики носят на голове ведро; может, лучше шапку? И нельзя ли прокатиться на санях с оленями – ну, хоть немножко. А еще надо выяснить, как Дед Мороз успевает всех детей обойти – может, он летать умеет?

А Маша беспокоилась, что Дед Мороз в темноте споткнется и разобьет себе что-нибудь до крови, с людьми такое бывает. Ему ж тогда йод надо. И вообще, вдруг Дед Мороз рассердится и больше никогда не придет.

Я уверил ее, что ничего плохого с Дедом Морозом не случится: он в темноте хорошо видит и никогда не спотыкается. И вы наверняка еще увидите его, например, он умеет сниться детям. Это даже интересней, чем наяву.

Мы договорились с Машей никому об этом разговоре не рассказывать и хранить нашу тайну вечно.

Ожидание чудес

Очаровательная молодая женщина в детском парке у «Арены» трепала за руку и волосы свою маленькую дочку:
– Куда ты уперлась, дрянь такая?! Что, нельзя потерпеть, пока я по телефону говорю с подружкой? Стой здесь, я ска-

зала! Что ты реवेशь, как дура последняя? Только посмей еще раз пойти куда-нибудь без разрешения!..

Ох..

Там возле елки гуляли Дед Мороз и Снегурочка. И мои внуки немедленно проявили свои инь и янь. Сережка подошел к Деду Морозу и заговорил с ним о жизни, снял варежку и потрогал его шубу, а потом спросил: можно дотронуться до посоха? Дед не рассердился и не стал его замораживать. Наоборот, позволил трогать волшебный свой посох, о чем-то спрашивал и погладил по голове.

– А что у тебя в мешке? – спросил Сережка. – Подарки?

Дед Мороз ответил, что да, подарки. Но пока не главные. А главные он принесет ему в новогоднюю ночь. Тайно: в ту ночь, когда он разносит подарки, его никто из детей видеть не должен, а то волшебство потеряется.

В общем, они поладили.

Машка же даже мысли не допускала, что с Дедом Морозом можно вот так, запросто. Она спряталась за меня и смотрела на новогоднюю парочку, не отрываясь. И как я ни убеждал ее подойти поближе хотя бы к Снегурочке, она так и пряталась за мной. Пример Сережки ее ничуть не убедил.

Только дома она оттаяла от новогодней заморозки и рассказывала бабушке:

– А мы Деда Мороза видели! Настоящего! И Снегурочку! Правда, я не вру – настоящие!

А Света, уже школьница, задала мне философский вопрос:

– Дедушка, а чудеса бывают? Мне один мальчишка рассказывал, что Деда Мороза никакого нет.

И я нашел ответ. Чудеса в жизни обязательно есть. Дети и сами это чувствуют, правда ведь? Просто некоторые люди, взрослея, перестают в них верить, и волшебство из их жизни уходит. Как из прохудившегося воздушного шарика. И это зря, потому что жизнь становится скучнее. А для тех, кто продолжает верить в чудеса, они остаются. Думаешь, взрослые не завидуют детям на Новый год? Еще как завидуют!

Я лично в чудеса верю. Вся эта малышня – сами чудо. И как же мне в них не верить, когда вот они – настоящие!

Как это будет

Не будет мелких и тяжелых болезней, никаких агоний, уток, мерзких запахов по всей квартире, пузырьков и таблеток на столике у постели, подгузников, покорной вежливости взрослых сына и дочери, у которых свои семьи и проблемы, и их разговоров шепотом в соседней комнате.

Я помню, как в доме друга моего детства жила парализованная его тетка, и липкий страх перед ее пещеркой, отгороженной шкафом. Или другой старик из чьей-то жизни: за ним ухаживали, как за младенцем, а он называл родных чужими именами из своей рассыхающейся памяти и все порывался уехать в деревню своего детства – в трико и тапках. Седая щетина, трясущиеся пальцы и колени, слюна на подбородке и, конечно, запахи; это длилось долго, и его дочь с мужем не могли куда-нибудь сходить надолго или гостей пригласить; разве что мальчишка забежит к внуку и постарается поскорее удрать от могильной ауры на воздух.

Нет, все будет иначе. Вот как.

Я пришел с четырьмя своими внуками-погодками купаться, и почему-то оказались мы на берегу речки моего детства. Малышня сначала бросала в воду кусочки булки, и стайки рыбешек устраивали им пляски, а потом с криками и визгом плескалась в девственной воде, а я сидел на небольшом обрыве над пляжем, пропитываясь движением родной реки в обрамлении камыша, кувшинок и лилий и древним лесом на другом берегу.

Вдруг я почувствовал кресло под собой и плед на коленях, а цвет воды и неба странно изменился. Я догадался, в чем дело, и подумал, что если бы не было внуков, рядом мог бы соткаться из воздуха столик, рюмка коньяка и последняя сигарета.

Страха не было. Я позвал малышню, и вскоре они собрались возле кресла. Мне пора, ребята, сказал я. Зовут туда – и показал пальцем вверх.

Света, старшая, сразу все поняла и растерялась. А мальчишки удивились, что это за кресло, и откуда оно взялось. Никита залез под него и стал щипать мою ногу, изображая щенка, Сережка забрался ко мне на колени и сказал:

– Пошли с нами купаться! Знаешь, как классно!

А младшая, Машутка, насупилась и спряталась за кресло, и я не знал, поняла она или нет.

– Я не хочу, – сказала Света. – Нет. Мы тебя не отпускаем.
– Светочка, фея моя мультяшная, это от нас не зависит. Все решено, и теперь мы встретимся уже там.

Она смотрела вверх и молчала.

– Там нас любят, – сказал я. – Все хорошо. Идите купайтесь.

– Нет, я тебя не пущу. Пусть там подождут.

– Не обсуждается! – нахмурился я. – Все, идите. Мне приятно будет напоследок смотреть на вас радостных. Нечего здесь толпиться. Ты старшая, уведи своих братишек и сестру.

Я оглянулся на младшую. Маша сказала твердо:

– Я с дедушкой. Нет, я с дедушкой.

Она отвернулась, и плечики ее чуть вздрагивали.

– Маша! – прикрикнула на нее Света. – Не мешай дедушке, ему и так тяжело. Пошли купаться!

– Нет, Свет, не тяжело, – возразил я. – Могло быть в тысячу раз хуже. А мне вот с комфортом.

– Ты хороший, деда, – сказал Сережка и погладил меня по руке.

А Никита спросил:

– Дедушка, а ты нас с собой возьмешь?

– Нет, малыш, у вас целая жизнь впереди, огромная. Это ж интересно! Знаешь, сколько всего у вас будет? Рано вам туда. А мне пришла пора пойти вперед, и потом я вас там встречу. Как на разведку.

– Долго слишком, – сказал Никита. – Мы тоже хотим. На разведку.

– Да ну, долго! Не успеешь оглянуться. Раз – и ты уже взрослый. Два – и у тебя уже свои детишки. Три – ты уже дедушка. Просто сейчас у вас время медленное. Я же помню: в детстве за один день столько всего происходит! Ваш день – он как неделя у взрослых. А то и месяц.

– Целый месяц? Ого! – сказал Сережка.

– Да. Так вот, я вам напоследок дам один завет, а вы его запомните. Хорошо?

– Да, – сказала Света. – А что такое завет?

– Ну, это как главное правило в жизни. Будете его исполнять, и все у вас будет хорошо. Самое важное, конечно, – поступать с другими так, как хотите, чтоб поступали с вами. Всегда! Все, что вы делаете, непременно к вам возвращается – и хорошее, и плохое. Никому не известно, когда и откуда, но возвращается

обязательно. А второе вот что. Когда вы станете большими и у вас будут свои дети, поласковее с ними. А то взрослые вечно заняты своими проблемами, а детские кажутся им глупостями и пустяками. Они ошибаются.

Все четверо слушали молча, хотя энергии у каждого – на электростанцию хватит.

– На самом деле, – сказал я, – дети – это ангелы. Души у них чистые. Они легко прощают обиды, всегда готовы к игре и радости, а знакомятся легко: тебя как зовут? Света. А меня Таня. Давай с тобой дружить! Давай. И дружат. Все так просто! А у взрослых все с трудом. Хотя они всю жизнь с удовольствием вспоминают детство. Но и вы тоже станете меняться, из радостных и беззаботных будете становиться сердитыми и озабоченными...

– Как папа?

– Ну, отчасти. Он же не всегда сердит. Так вот, некоторые взрослые со временем понимают, что дружба с детишками важнее их работы и прочих хлопот, из-за которых они слишком много переживают. Правда, бывает уже поздно. Поэтому запомните, дорогие мои: когда станете мамами и папами, дружите с ними, ладно?

– Как вы с бабушкой?

– Ну, мы тоже не ангелы. Устаем, бодем, раздражаемся иногда. Но вы для нас – самое главное в жизни. И самое лучшее. Ну, запомните про бумеранг?

– Что такое бумеранг? – спросил Никита.

– Это такое оружие у аборигенов, которое бросают в дичь, и оно возвращается к ним. Стоп! Не надо спрашивать про аборигенов, Сереж, а то мы до вечера будем разговаривать. А меня ждут. Все, дорогая моя малышня, идите купаться. Иди, Машутка, иди. Все будет хорошо. Или ты больше не веришь деду?

Маша стала спускаться к речке, опустив голову. Она не обращивалась. Света взяла мальчишек за руки, и они тоже пошли по крутой тропинке вниз. Сережка вырвался и побежал по склону, рискуя шмякнуться. Уже внизу Света обернулась и, улыбаясь, стала махать мне рукой. Мальчишки тоже махали, радостно подпрыгивая, и кричали:

– Пока, деда, пока!

– Пока, – помахал я им рукой. – Увидимся!

А дальше... Дальше я растаю и растворюсь, стану влажным и невесомым и буду плыть все выше, к облакам. Надо же, столько раз мне мечталось поплавать среди этих бесплотных айсбергов, и вот, сбылось. Это будет покой и блаженство, и только легкое беспокойство останется во мне, оно копится без мыслей и сожалений, и, когда станет неважно, я прольюсь с дождем на уютную землю, на траву, на теплый асфальт, и малышня моя побежит по лужам босиком, шлепая и брызгая, и никто не догадается, что я — здесь.

Содержание

Странички прошлой жизни	3
1. Колодец времен.....	3
Времена года.....	3
Родная речка.....	4
Пепин-шафран и воры.....	5
2. Роскошь человеческого общения.....	6
Волшебники изумрудных городов.....	6
Пылинки дальних стран.....	7
Хемингуэй и тайная комната.....	8
Хемингуэй и дети.....	9
3. На память разводящимся.....	11
4. Как молоды мы были.....	14
Фарца.....	15
Интим.....	16
Рок и жизнь.....	16
5. Под стук колес и барабанов.....	18
«Иду, красивый, 22-летний...».....	18
Сражение в Дубовке.....	19
6. А ты подписался добровольцем?.....	21
Крестьян по осени считают.....	21
Неприятности.....	22
Земля и воля.....	23
7. Эпитафия «Полтиннику».....	25
Трудовые и культурные резервы.....	25
8. Обыкновенный день.....	27
9. Кирдык Дворцу культуры.....	34
10. Сальвадор Дали и мясо.....	35
«Интурист» звучит гордо.....	35
Между джинсами и сапогами.....	36
11. Секретики промышленной безопасности.....	38
Проходная особого значения.....	39
Приятности командировок.....	40

12. Не думай о ремонтах свысока	42
Подсчитали – прослезились.....	42
Как Союз писателей компьютеры чинил.....	43
13. Йена, парадоксов друг.....	45
С голодного края.....	46
Не надо кричать!.....	49
Ветер перемен.....	51
14. У меня была «копейка», я ее любил.....	52
«Ласточка» с весной.....	53
Про тормоза.....	54
15. Про соседей.....	56
16. Последний звонок.....	58
17. Устаревший аргумент.....	59
18. Знал бы прикуп – ехал в Сочи.....	60
19. А вот кому Турцию!.....	63
Кому нужен берег турецкий?.....	63
Поедем, красотка, купаться!	65
20. Охота за орхидеей.....	66
21. Гонка по вертикали	70
Подогрели, обобрали.. ..	70
Ратмир и Людмила.....	71
22. Жизнь невпопад.....	73
23. Рыбалка на Дону	78
Дорога домой	78
От рассвета до заката.....	80
Жили-были	81
Будьте как дети.....	84
Бабло и дети.....	84
Как вызвать дождь	85
Как встретиться с Дедом Морозом	85
Ожидание чудес.....	86
Как это будет	88

Александр Ягодкин

НОСТАЛЬГИЯ

Подписано в печать 26.06.2022 г.
Формат набора 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58.
Заказ № 694. Тираж 300 экз.

Отпечатано
в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77